

maestro
of detective

ЧИНГИЗ

Абдуллаев

АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГРЕШНИКОВ

Альтернатива

Чингиз Абдуллаев

Альтернатива для грешников

«PEN-клуб»

1997

Абдуллаев Ч. А.

Альтернатива для грешников / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1997 — (Альтернатива)

Ночная операция по задержанию банды преступников. Опасно, но не опаснее любой операции группы особого назначения. Уж такова работа многоопытного полковника и его людей. Однако одна-единственная случайная находка внезапно наводит полковника на след запутанного, необычного преступления. Преступления, раскрыть тайну которого практически невозможно...

© Абдуллаев Ч. А., 1997

© PEN-клуб, 1997

Содержание

Вместо вступления	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чингиз Абдуллаев

Альтернатива для грешников

Первый признак порчи общественных нравов – это исчезновение правды...

Правда, которая ныне в ходу среди нас, – это не то, что есть в действительности, а то, в чем мы убеждаем других, – совершенно так же, как и с обращающейся между нами монетой: ведь мы называем этим словом не только полноценную монету, но и фальшивую.

Мишель де Монтень. «Об изобличении во лжи»

Вместо вступления

Он сидел в своем кресле, когда позвонил телефон. Овернувшись, он посмотрел на стоявшие слева телефоны. Два правительственных, прямой с Президентом, прямой с премьер-министром; городской, внутренний, еще один городской прямой телефон, номер которого знали только несколько человек в городе. Если бы даже позвонил телефон Президента, он снял бы трубку гораздо медленнее, чем в этом случае. Этого звонка он ждал.

– Все в порядке. Мы готовы, – сказал знакомый голос.

Он помедлил. Теперь нужно было решать. В конце концов, это был и его выбор. Но он помнил о том, что любой телефон можно прослушать, даже правительственный. И поэтому он произнес условленную фразу:

– Вы ошиблись номером, – и сразу положил трубку. Для его собеседника это был сигнал к действию. Он знает, что нужно делать.

Положив трубку, хозяин кабинета на миг закрыл глаза. Выбор сделан. Теперь все будет решено в течение нескольких дней. Когда-нибудь нужно было на это решиться. Иначе это состояние неустойчивого равновесия может продолжаться очень долго. А при больном Президенте это еще и опасно. Он потянулся к телефону правительственной связи и набрал знакомый номер.

– Добрый день, – сказал он привычным мягким голосом, – я хотел бы с вами встретиться и побеседовать. – Человек, которому он звонил, не удивился. Очевидно, он ждал этого звонка.

– Когда мы можем встретиться? Мне приехать к вам или увидимся в другом месте?

– Я думаю, лучше в другом.

Разговор будет конфиденциальным. Этот телефон тоже могли прослушивать, хотя связисты утверждали, что это вообще невозможно.

– Понимаю. Где?

– Я послал вам конверт с адресом. Нарочным. Вы получите его через десять минут.

– Договорились.

Теперь дороги назад не было. Все было решено. Он провел рукой по лицу, словно вытирая невидимый пот. Свою партию он играет белыми и должен выиграть. Ничьей быть не должно.

Глава 1

Нас было одиннадцать человек. Вообще-то нас было десять, но в последний момент дали эту журналистку, которая, оказывается, давно просилась выехать на боевую операцию. С виду ничего собой не представляет. Маленькая, худая, в больших очках. Типичная пигалица, а пишет такие репортажи. Откуда, интересно, такие берутся? Нужно было видеть выражение ее лица, когда ей надевали бронежилет. Она все время поправляла очки и спрашивала, когда ей дадут посмотреть наше оружие. Михалыч, конечно, оружия ей давать не стал. Вернее, не собирался давать, пока не появился полковник Горохов. Журналистка полезла с этой просьбой к нему, и полковник выразительно посмотрел на Михалыча. Михалыч чертыхнулся достаточно громко и распорядился, чтобы этой прилипчивой тянучке показали наш пистолет. Обычный пистолет безо всяких наворотов. Правда, он добавил, чтобы выдали пистолет с полной обоймой. На нашем жаргоне «полная обойма» означает пустышку. Сергей так и понял Михалыча, протянув журналистке пистолет с пустой обоймой. Конечно, по тяжести оружия можно почувствовать, есть ли там патроны, но она была вполне счастлива и этим, так ничего и не заподозрив. Она схватила оружие с таким видом, словно уже сейчас собиралась выходить на бандитов и палить от бедра, как делают ковбои.

Я недавно смотрел такой фильм, где женщина-ковбой стреляет лучше мужчин. Конечно, это вранье, но вранье интересное. Наша журналистка даже не подозревала, что сначала нужно научиться реагировать на опасность, верно ее оценивать, а уже потом хвататься за пистолет. Быстрая стрельба хороша только в приключенческом фильме, в нашем деле она может быть смертельно опасной, когда вместо врага можешь попасть в товарища. Она рассматривала пистолет минуты две и потом вернула его Сергею.

По-моему, полковник понял трюк с оружием и строго посмотрел на Михалыча. Но ничего не сказал. Операция предстояла сложная. Мы искали Коробка по всей Москве. Два раза он от нас уходил, и вот теперь мы получили информацию, что он скрывается у одной своей подружки в Центральном районе города. Мы про Коробка к этому времени многое уже знали. И хорошо понимали, что один он там не будет. Вообще, это был своеобразный бандит. Бывший сотрудник милиции, погоревший на взятке, он восемь лет провел в колонии Нижнего Тагила, куда ссылали в советское время сотрудников милиции и прокуратуры, приговоренных к разным срокам наказания.

В обычную колонию таким ребятам нельзя. Их сразу «на перо» брали, убивая в туалете, или, в лучшем случае, насиловали всем баракком. Очень не любили в блатной среде бывших сотрудников правоохранительных органов, попавших за решетку. Поэтому для таких заключенных были специальные лагеря. И Коробок отсидел там восемь лет, пока не вышел в первый раз. Его, конечно, никто обратно на работу брать не собирался. Но ведь образование-то у него было милицееское, куда ему было податься? Пришлось ему идти маляром в какую-то шарашкину контору. А через два года сорвался человек и оказался замешан в истории с краденными вещами. Ему еще один срок дали, только отсидел он на этот раз в обычной колонии.

Вот там он и развернулся. Говорят, два раза его чуть было не убили. Но разве такого убьешь. Его Коробком за фамилию называли. Коробков была его фамилия, а на самом деле его должны были называть Шкафовым или чем-то в этом роде. Он был ростом за метр восемьдесят и с такими бицепсами, накачанными в армии, что запросто несколько противников мог уложить. Он был спортсменом, в армии служил в десантных войсках и в лагере оказался не самым слабым. Рассказывают, что однажды его вызвал на бой один вор в законе. Что у них там случилось, не знаю, но только на следующий день у барака нашли двоих «шестерок» с переломанными руками. А этого авторитета Коробок не тронул, знал воровские законы, за смерть

вора ему отвечать пришлось бы. А на следующий день собрались авторитеты в зоне и постановили считать Коробка своим.

Третью и четвертую отсидки он получил за грабеж, организацию банды, покушение на убийство и тому подобные преступления, целый букет. И в последний раз вышел на свободу в начале девяностого. Вот с тех пор и гуляет. По нашим данным, за ним уже столько набралось, что на три «вышки» тянет. Но он все еще гуляет и никак не попадает в наши облавы. Дважды мы его едва не взяли, но он уходил, а мы ребят теряли. Он ведь один никогда не бывает. Двое-трое «шестерок» всегда при нем. Кроме этого, он прекрасно знает наши приемы и хитрости, умеет так маскироваться, что к нему никто не подберется. И вот теперь оплошал. Как обычно бывает, оплошал на мелочи, на женщине, которая нам и сообщила о его приезде. Теперь уже он не уйдет. И не потому, что нас десять человек, не считая журналистки. И не потому, что мы такие умные. Теперь ему придется столкнуться с Михалычем, друга которого он застрелил в прошлом году. А Михалыч такого не прощает. И я не удивлюсь, если мы Коробка сегодня живым до тюрьмы не доведем.

Вообще-то Михалыч мужик степенный, рассудительный. По мелочам не дергается. Ему уже под сорок, и он старший в группе и по авторитету, и по опыту. Подполковник Михаил Михайлович Звягинцев, под руководством которого я работаю уже столько месяцев. И собираюсь работать долго, если повезет. У нас в группе все ребята отбирались лично Михалычем. Слабак здесь просто не выдержит. Официально мы считаемся специальной группой захвата при Главном управлении внутренних дел города Москвы. Специальной потому, что нас посылают на самые трудные операции. В случае необходимости нам могут выделить даже вертолеты или другую технику. А негласно нас называют «крокодилами» и посылают на самую грязную работу. Михалыч, конечно, в таких случаях бурно протестует, но его никто и не слушает. Наш непосредственный куратор, заместитель начальника Главного управления полковник Горохов искренне полагает, что крупных операций не бывает больше десяти-пятнадцати в год, а все остальное время мы должны вкалывать как обычные сотрудники милиции. Конечно, он не прав, но разве можно ему что-нибудь доказать. И даже Михалыч ничего не может сделать, когда Горохов ледяным, спокойным голосом объявляет, что нам опять нужно куда-то выезжать, чтобы разобраться с трупами, оставшимися от очередной крупной аварии. Может, он просто считает, что систематическое общение с покойниками укрепляет дух личного состава?

Сейчас мы выезжаем на операцию на четырех наших машинах. Вообще-то это тоже позор. Официально за нами закреплено четыре автомобиля, но один находится где-то у руководства, а второй давно пришел в негодность и все никак не списывается из-за каких-то глупых формальностей со сроками. В оставшиеся две машины мы не вменяемся даже теоретически. Не забывайте, что у нас есть еще и оборудование, и оружие. Поэтому Михалыч обычно ездит на своей «девятке», разрешая другим пользоваться его машиной. Кроме его «девятки», у нас еще есть неновый джип и довольно новая «Волга», которую Михалыч пробивал у самого министра. Обычно на подобные операции начальство дает нам еще одну машину, заурядный «воронок», который идет следом и в котором сидят два сотрудника ГУВД. Он предназначен для тех, кого мы захватим в ходе операции. Но мы своих «клиентов» чаще возим в «девятке» или в «Волге». Так удобнее и безопаснее. И тем, кто захочет их отбить, нужно сначала убрать нас, чтобы добраться до наших пленников.

Не считая журналистки и Михалыча, в группе еще девять человек. Заместителем Звягинцева у нас майор Зуев. Спокойный, всегда выдержанный мужик. А стреляет лучше всех не только в группе, но и в городе. И это не гипербола, он несколько раз был чемпионом по стрельбе. Такое ощущение, что вместо нервов у него канаты, которые не порвутся ни при каких условиях. Есть еще второй заместитель, Сергей Хонинов. Он пришел к нам недавно из армии. Пришел с таким послужным списком и с такими тяжелыми ранениями, которые у трусов и болтунов не бывают. Он не любит много говорить, может, потому, что слегка заикается после

ранения в Чечне и не вспоминает ту войну, на которую их бросило наше родимое правительство. Рассказывают, что он полтора года добивался разрешения работать в нашем отряде, и наконец, когда сам Михалыч заинтересовался его судьбой, ему удалось к нам пробиться.

У молдаванина Иона Петрашку звание капитана, как у Сергея. Он в отряде тоже недавно, переведен сюда из уголовного розыска. После распада единой страны у него больше всего проблем со своей семьей. Жена у него русская и живет с детьми в Москве, рядом с ним. А родители, братья и сестры остались в далекой теперь для нас Молдавии, с которой у России нет даже государственных границ. Вот он и должен в отпуск ездить к своим родителям за границу, как иностранец. Может, поэтому он такой отчаянно храбрый и злой. По существу, его убрали из уголовного розыска именно за невыдержанность. Говорят, с бандитами он не особенно церемонился и, когда кто-то начинал «возникать», просто давал тому по морде. Наверно, за это Михалыч и взял его в наш отряд.

После того как один из отрядов спецназа едва не ворвался в мечеть, задерживая преступника, что могло привести к нежелательным инцидентам в Москве, наше руководство приказало ввести во все наши подразделения хотя бы одного мусульманина. В случае необходимости он может, сняв обувь, входить в мечеть и разговаривать с людьми, не оскорбляя чувств верующих. Старший лейтенант Маир Байрамов переведен к нам из службы ОБХСС несколько месяцев назад, но мы уже успели убедиться, что парень он надежный и умеет делать все, что положено в нашей группе.

Остальные четверо офицеров – ребята примерно моего возраста, имеющие разный опыт, но хорошо подготовленные, злые, натасканные, как выдрессированные собаки. Бессонов, Дятлов, Аракелов, Маслаков. Всем по двадцать пять – тридцать лет, и все уже имели опыт задержания бандитов и киллеров. Ну и, наконец, в отряде вот уже третий год нахожусь и я сам, старший лейтенант Никита Шувалов, и очень горжусь тем, что работаю с такими ребятами и с таким руководителем, как наш Михалыч.

Ровно в четырнадцать тридцать мы выезжаем. Грузимся, как обычно, со смехом и шуточками. Журналистка пытается нас достать вопросами, но мы отшучиваемся. Откуда нам знать, что это наш последний совместный выезд. Откуда нам знать, что все наши несчастья начнутся с этой минуты. Откуда нам дано было узнать, что с этой минуты включен таймер, отсчитывающий продолжительность наших жизней. Мы ничего не знаем. И поэтому мы сидим в машинах, улыбающиеся и веселые, почти не волнуясь за судьбу предстоящей операции. Да и что мог сделать Коробок, даже если его охраняли десять телохранителей? Мы ведь даже не думали, что все будет гораздо сложнее...

Глава 2

Они прибыли на место, когда часы уже показывали третий час дня. Как обычно, машины остановились за два квартала до нужного места. Ребята стали доставать снаряжение, оружие. Звягинцев молча следил за ними. Все действия были отработаны до автоматизма. Одна группа, состоящая из трех человек, оцепляла предполагаемое место действий, отсекая возможность преступникам уйти через черный ход. Другая, штурмовая, в составе четырех человек, в которую всегда входил сам Звягинцев, прорывалась к дому, имея в виду, что Коробкова могут охранять его люди и придется столкнуться с ожесточенным сопротивлением. Третья группа подстраховывала действия второй, выступая как бы вторым эшелоном. Все действия были оговорены заранее и тысячу раз проиграны в ходе тренировок. Каждый точно знал свое место, свои действия, координируя их с действиями других членов группы. От этого зависел не только конечный успех, но и сама жизнь каждого из офицеров. Несмотря на гневные протесты журналистки, ее включили в первую группу, и рассыпавшиеся вокруг дома офицеры спецназа начали быстро перемещаться по направлению к объекту.

Дом был старый, девятиэтажный, кирпичный. Именно в нем на пятом этаже в квартире под неприятным номером шестьдесят шесть находились, по данным агентурного сообщения, сам Коробков и двое его телохранителей. Поэтому поднимавшаяся по лестнице вторая группа сегодня была усилена еще одним офицером. Кроме Звягинцева, в нее входили Петрашку, Шувалов, Бессонов и Байрамов. Внизу у выхода задержались Зуев, Маслаков и Араkelов, наблюдавшие за окнами нужной квартиры и оставшиеся для подстраховки товарищей. Вместе с ними там находилась и журналистка, попытавшаяся было двинуться следом за второй группой, но застывшая на месте после резкого окрика Зуева.

Третья группа, состоящая из Хонинова и Дятлова, вошла в соседний подъезд, собираясь проникнуть на крышу дома. Все было рассчитано до мелочей, и особой импровизации не требовалось. В минуты нападения группе запрещено было использовать, за исключением особых случаев, переговорные устройства. К этому времени в Москве бандитские группировки были оснащены гораздо лучше сотрудников ФСБ и МВД, поэтому разговоры группы захвата по рации могли быть обнаружены бандитами.

Сотрудники Звягинцева получили три мобильных сотовых аппарата, на работу которых давно уже никто не обращал внимания. Да и кому могло прийти в голову, что сотрудники группы захвата переговариваются по обычным мобильным телефонам. Правда, и здесь были свои сложности. Набор и вызов абонента, а также сам разговор требовали нескольких секунд, а у сотрудников часто не бывало их.

Не доходя до нужного им этажа, Звягинцев сделал рукой знак, предлагая остановиться. Все замерли. Бессонов осторожно прошел вперед, поднимаясь на следующий этаж. Через несколько секунд он вернулся.

– Железная дверь, – коротко сообщил он, – так просто не взять.

Звягинцев вытащил телефон, набирая номер. Другой аппарат был у Хонинова.

– Сергей, где вы?

– На макушке леса, – условно ответил капитан.

– Вызови двоих ребят, – продолжил Звягинцев, – нужно устроить небольшое цирковое представление.

– Понял, – ответил Хонинов, сразу отключаясь.

– Байрамов, спустись вниз, – приказал Звягинцев, – вместе с Маслаковым подниметесь через другой подъезд на крышу. Подстрахуете Хонинова и Дятлова. Скажи, чтобы действовали осторожно. Мы начинаем через четыре минуты.

Офицер кивнул и поспешил вниз. Оставшиеся молча переглянулись. Они знали, насколько это опасно. Хонинов и Дятлов должны были спуститься с крыши на балкон и отвлечь бандитов от действий группы захвата, прорывающейся через дверь. Звягинцев снова набрал номер. На этот раз ответил Зуев.

– Как у вас дела? – спросил Звягинцев.

– Ребята уже пошли, – коротко доложил майор, – мы втроем остались во дворе.

– Почему втроем? – не понял Звягинцев.

– С нами еще журналистка, – пояснил Зуев.

– Черт побери, – проворчал подполковник, – я про нее уже забыл. Извинись и скажи, что мы позовем ее сразу, как только закончим. Пришли к нам Аракелова с «подарками». Придется входить без приглашения.

– Ясно.

Через минуту по лестнице поднимался офицер с небольшим чемоданчиком в руках. Там была мощная граната направленного действия, последняя разработка экспериментальной лаборатории ФСБ. Граната взрывала замок практически на любой двери, срывая ее с петель.

– Устанавливай, – разрешил Звягинцев.

Аракелов и Шувалов поспешили наверх. Через минуту все было готово.

– Начинаем, – приказал подполковник, взглянув на часы.

Бессонов подошел к двери, нажал на кнопку звонка. Остальные офицеры укрылись чуть ниже, за каменной стеной.

– Кто там? – раздался мужской голос.

– Откройте, – строго приказал Бессонов, – я из милиции.

За дверью наступило молчание. Затем послышались негромкие голоса. Бессонов требовательно позвонил еще раз.

– Что вам нужно? – спросил другой голос. – Сейчас ночь, и вы не имеете права сюда врываться.

– У меня есть санкция прокурора города на обыск, – ответил Бессонов, – откройте, пожалуйста, дверь.

В ответ неясное бормотание. Звягинцев взглянул на часы. До назначенного времени еще полминуты. Бессонов позвонил в третий раз. И в этот момент за дверью послышались крики, ругательства.

– Пошел к чертовой бабушке, «мусор»! – истошно закричал кто-то.

Бессонов обернулся и отскочил к товарищам. Звягинцев смотрел на стрелку секундомера. Сейчас наверху на крыше прошедшие через соседний подъезд ребята готовятся прыгнуть на балкон, чтобы отвлечь внимание засевших в квартире. Время. Он привел в действие взрывной механизм. Казалось, от взрыва содрогнулся весь дом. Дверь сорвалась с петель и упала внутрь квартиры. Судя по крикам, там был кто-то ранен.

– Вперед! – приказал Звягинцев. Две пары сотрудников – он и Бессонов, Петрашку и Шувалов, – попеременно подстраховывая друг друга, ринулись в квартиру. Аракелов остался на лестничной площадке у лифта, готовый отсечь любого из бандитов, случайно прорвавшегося сквозь живой кордон к лифту. Но бандиты были растеряны столь необычным способом нападения. Один из них начал стрелять, когда длинная очередь прыгнувшего на балкон Хонинова срезала его. С балкона, ломая рамы и стекло, уже ломались Хонинов и Дятлов. Под дверью кто-то стонал, очевидно, в момент нападения сорванная взрывом железная машина отбросила его к стене, придавив к полу. В другой комнате находились еще двое. Один держал в руках пистолет. Увидев милиционеров, он бросил пистолет и невесело усмехнулся.

– Значит, не судьба, – сказал он. Это был Коробков. Второй мужчина, в темном костюме и в галстук, испуганно смотрел по сторонам, словно еще не осознавая, что именно происходит. Звягинцев устало выдохнул воздух. Он все-таки сумел арестовать Коробка. Его сотрудники

уже поднимали дверь, освобождая тяжелораненого напарника Коробкова. В комнате, кроме двоих задержанных и Звягинцева, находился еще и Дятлов. Остальные были в других комнатах.

– Ты арестован, Коробок, – сказал подполковник, – я тебя все-таки достал.

– А я тебя во сне видел два раза, – вдруг улыбнулся бандит, – знал, что именно ты меня и повяжешь, подполковник. Но не думал, что так быстро.

– Ты улыбку-то свою спрячь, – зло посоветовал Звягинцев, – нечего тебе здесь улыбаться. Кончились твои путешествия, Коробок. Теперь навсегда кончились. – Второй мужчина по-прежнему стоял молча, нервно поправляя галстук.

– Это еще неизвестно, – усмехнулся Коробок, – может, я еще на твоих похоронах погуляю.

– Не погуляешь, Коробок, уже никогда не погуляешь. Закончились твои веселые деньки. Теперь ты только в гостях у архангелов гулять будешь, – пообещал Звягинцев. И в этот момент неизвестный решился.

– Простите, – сказал он, – но на каком основании арестован и я?

– На основании того четкого факта, что вы находились ночью в одной квартире с известным бандитом-рецидивистом Коробком, – четко выговорил подполковник, – на основании того, что вы все оказали вооруженное сопротивление сотрудникам милиции. По-моему, вполне достаточно.

– А по-моему, нет, – нервно сказал незнакомец, уже начавший приходить в себя. – Я не имею ничего общего с этими бандитами и совершенно случайно оказался здесь, в этой квартире.

– В третьем часу ночи? – посмотрел на часы Звягинцев. – И я должен вам верить? Дайте ваши документы.

– У меня нет с собой документов, – взвизгнул незнакомец, – они лежат в машине, внизу. Я случайно попал в эту квартиру.

– Случайно, – кивнул, словно соглашаясь, подполковник, – кончай валять дурака. Ты хоть сам веришь в то, что говоришь? – Он устало сел. В комнату вошел Бессонов.

– Достали их коллегу, – доложил он, – его раздавило довольно сильно. Судя по всему, не выживет. Ребята сейчас вызывают «Скорую помощь».

– Ясно, – кивнул подполковник, – а второй?

– Его Хонинов подстрелил. Три пулевых ранения. Он уже не дышит, – доложил Бессонов.

– Значит, у нас в качестве улова остались эти двое, – кивнул Звягинцев, – вы по-прежнему не хотите говорить, кто вы такой? – спросил он у мужчины.

– Я... мы... они... – мужчина в растерянности смотрел по сторонам, – я могу вам показать свои документы.

– Где они находятся?

– В машине. Она стоит на стоянке, – вдруг сказал неизвестный, – если хотите, я отсюда вам покажу свой автомобиль.

Звягинцев уловил удивление в глазах Коробкова. Но только уловил, еще ничего не понимая. Неизвестный быстро, словно решившись, застегнул пиджак и подошел к окну, открывая шпингалеты.

«Зачем он открывает окно?» – мелькнула тревожная мысль. Неизвестный вдруг обернулся и, рванув на себя вторую раму, перегнулся через карниз.

– Держи! – закричал Звягинцев, бросаясь к самоубийце. Дятлов метнулся к окну. В этот момент Коробок схватил лежавший на полу пистолет и сделал первый выстрел. Дятлов застыл: пуля попала ему в руку. Звягинцев обернулся и увидел в руках у Коробка пистолет. Времени на раздумье не было. Коробок медлил, явно растягивая удовольствие. А когда решился, было поздно. Он опоздал на какие-то доли секунды. Услышав выстрел, из соседней комнаты

ворвались Хонинов и Бессонов. Бандит сумел только повернуть голову, когда очереди двух автоматов отбросили его к стене, изрешетив все тело. Но и смертельно раненный, Коробок успел, лежа на полу, у стены, как-то неестественно улыбнуться.

В эту секунду неизвестный, сорвавшись, полетел вниз с диким криком. Подполковник только успел подскочить к окну и проследить траекторию полета тела. Внизу раздался характерный шум, треск, удар, и самоубийца растянулся на тротуаре. Рядом уже стояли Зуев и забытая там журналистка. Она что-то быстро записывала в свою книжку. И уже доставала фотоаппарат.

– Петрашку, – приказал Звягинцев, – спустись вниз и отними аппарат у этой дуры. Если она успеет сфотографировать труп, то можешь сломать аппарат. Пленку потом принесешь мне. Хонинов, когда приедут врачи, пусть сначала осмотрят раненого бандита. Он теперь единственный оставшийся в живых. А Дятлова везите в больницу. И срочно. Больно? – спросил он у своего сотрудника.

– Ничего, – попытался улыбнуться офицер, – пока терпимо. – Звягинцев посмотрел на мертвого Коробка.

– Просто сегодня не наш день, ребята, – сказал он в заключение.

Глава 3

Я вошел в комнату, когда все уже было кончено. Нужно было видеть лицо Михалыча, чтобы понять, как опрометчиво поступили наши ребята, наделав столько дырок в Коробке. Но Михалыч на то и командир, чтобы ничего не говорить. Все должны были и так понимать, что с убитого бандита мы ничего не возьмем. И даже не узнаем, кто был тот неизвестный «интеллигентик», сиганувший с пятого этажа.

По большому счету, операция была проведена успешно. У нас был один легкораненый, а из четверых бандитов трое были убиты и один тяжело ранен. Только у самого Михалыча был другой счет. Убить человека несложно, любил он говорить. Наша задача – расколоть человека, чтобы он остался жив и выдал нам свои связи, явки, адреса. А это потруднее, чем стрелять по движущейся мишени. И хотя ребята, по существу, спасали жизнь самого подполковника, было видно, что он недоволен такой скорострельностью своих офицеров.

Байрамов увел Дятлова, чтобы отвезти его в больницу, а Леня Маслаков спустился вниз, намереваясь встретить врачей и сотрудников прокуратуры. Там уже стоял капитан Петрашку, безучастно смотревший на труп самоубийцы. А майор Зуев успокаивал соседей, высыпающих на лестничную клетку, напуганных взрывами и выстрелами. У майора всегда хороший контакт с людьми, и он умеет убеждать, люди верят, глядя в его голубые светлые глаза, что ничего страшного не случилось.

После того как уехала машина «Скорой помощи», мы остались в квартире впятером. Подполковник Звягинцев, Хонинов, Аракелов, Бессонов и я. Признаюсь, что из всех ребят нашей группы я меньше всех склонен общаться с Хониновым. Он какой-то бешеный, глаза вечно дикие, словно в любую секунду он может сорваться и начать стрелять тебе в спину.

– Ребята, нужно здесь пошарить до приезда прокуратуры, – распорядился Михалыч, – посмотрите, может, что-нибудь найдем. Вернется Зуев, пусть вам поможет. Он более внимательный. А мы с Никитой спустимся вниз. Нужно выяснить, почему этот тип так быстро выпал в окно. И придумать какое-нибудь объяснение для нашей журналистки. – Хонинов кивнул. Я представил себе, как он будет «шарить», и улыбнулся. Он просто перевернет весь дом, переломает мебель и в лучшем случае найдет трамвайный билет за прошлый месяц. Такая работа не для него. Вот прыгнуть с крыши на балкон или первым ворваться в квартиру, полную вооруженных людей, – вот здесь он незаменим. Но, похоже, Михалыч даже хочет, чтобы он немного погромил все вокруг, а то все выглядит слишком благопристойно, и это при трех трупах. А вот Зуев, наоборот, найдет даже обгоревшую спичку. Он внимательный и всегда спокойный. Наверное, наш отряд и добивается успехов потому, что в нем есть такие «психопаты», как Хонинов и Петрашку, и такие «роботы», как Зуев и Маслаков.

Мы спустились вниз и подошли к Иону, который уже успел обыскать самоубийцу. Рядом стояли двое ребят из «воронка». Их услуги нам не понадобились, но ребята отгоняли посторонних, которых в эти утренние часы было довольно много. И эта пигалица, которую вообще не нужно было брать с собой, уже достала фотоаппарат, но Ион довольно невежливо толкнул даму, показывая, что снимать запрещено. Хорошо еще, что она поняла, иначе Петрашку сломал бы ее фотоаппарат. Это не тот человек, которого могут тронуть женские слезы. На часах был уже четвертый час утра, когда мы подошли к самоубийце. Увидев нас, Ион поднялся, протягивая пачку документов.

– Больше ничего не было, – коротко доложил он, – только эти документы и деньги. Но денег было много.

– Сколько?

– Восемь тысяч долларов.

– Много, – согласился Михалыч, внимательно читая документы. Нужно было видеть лицо Михалыча, чтобы понять, интересно читать это удостоверение или неприятно. Во всяком случае, лицо его стало очень неприятным, таким оно бывает, когда кто-то из бандитов начинает нагло себя вести. Я еще не понимал, в чем дело, когда он, присев на корточки, посмотрел на лежавший перед ним труп и тихо спросил: – Как думаешь, почему он решил выброситься из окна?

– Не знаю. Может, чего-то испугался.

– Вот-вот. Мне тоже интересно, чего он так мог испугаться?

– Может, не хотел, чтобы мы знали о его связях с бандитами.

– Из-за этого он выбросился? – недовольно взглянул Звягинцев. – Ты можешь придумать правдоподобное объяснение, пока не приехали сотрудники прокуратуры? Или мне нужно будет предъявлять им эти документы? – Он поднялся на ноги. Ион встал рядом, не решаясь ничего сказать.

Конечно, мне нужно было спросить, что они такого прочли в этих документах, но я знал негласные правила нашей группы. Все вопросы задаются потом, после завершения операции. А вот эта дотошная журналистка снова вылезла.

– Можно узнать фамилию погибшего? – Петрашку уже открыл рот, чтобы сказать ей все, что он о ней думает, обо всех писаках и вообще обо всех женщинах, но Михалыч его опередил:

– Пока мы не разобрались до конца. А задавать лишние вопросы не нужно.

Журналистка кивнула, понимая, что действительно лучше иногда промолчать. Михалыч обернулся к стоянке автомобилей: там стояло не меньше ста – ста пятидесяти автомобилей.

– Он говорил, что приехал на автомобиле, – задумчиво произнес Михалыч. Даже я догадался, что нужно было делать. Хотя всегда считал себя немного тугодумом. Петрашку тоже все понял. Он посмотрел в сторону стоянки, потом разжал кулак, где были ключи.

– Проверим, – предложил он мне.

– Только быстро, – посоветовал Звягинцев, – а я постараюсь что-нибудь придумать для прокуратуры. – Он не успел это сказать, как мы побежали в сторону стоянки. Но все же услышали, как журналистка спрашивает у подполковника:

– Можно мне с ними?

Наверно, Михалыч ей доходчиво объяснил, какая она абсолютная дура, иначе я не знаю, чем бы все это кончилось.

– Кто этот погибший? – спросил я Иона, когда мы спешили к стоянке.

– Сотрудник Кабинета Министров, – зло ответил тот, – его фамилия Скрибенко. Интересно, что он здесь делал в два часа ночи. Посмотрим его машину.

Ничего себе перспектива, подумал я. Хотя особенно и не удивился. За столько времени в отряде я такого насмотрелся. И прокуроров-сволочей навиделся, и милиционеров-иуд. Да и ответственные лица тоже попадались. Время сейчас такое бандитское, когда не ворует и не убивает только ленивый. Я так себе представляю все, что случилось с нашей страной. Триста лет Романовы копили ценности, а потом большевики крикнули: «Грабь награбленное!» Только быстро спохватились: крестьян вместе с землей загнали в колхозы, фабрики рабочим никогда и не принадлежали, а все богатство и ценности прибрала к рукам сама родная партия. И так продолжалось семьдесят лет.

А потом появился Горбачев, который решил что-то изменить, но у него ничего не получилось. Как не получается у новичка-водителя, впервые севшего за руль гоночной машины. Машину он разбил, а его самого прогнали. И вот тогда пришли настоящие хозяева. Во всех республиках. Они быстро сообразили, что все собранное коммунистами можно разграбить. Причем первыми сообразили сами коммунисты, вернее, их вожди, лучше других знавшие, как много ценностей накоплено за эти годы и как их удобно воровать. Вот тогда и начался раздел Советского Союза. А потом и повальное воровство. И самое страшное воровство было у

нас, в России. В других государствах хоть худо-бедно появились диктаторы, которые все контролировали. В Прибалтике вообще было царство справедливости, там такого воровства не допустили, хотя попытки были. А вот чем ближе к югу... И у нас в Первопрестольной, да и по всей России снова раздался клич «Грабь награбленное!». И все ринулись грабить. Что из этого получилось, все знают, а некоторые до сих пор считают, что иначе было нельзя. Получалось перераспределение накопленных средств. Лучше бы спросили у нас, мы бы им рассказали про «перераспределение». На самом деле, если раньше воры были в самом низу, теперь они оказались на самом верху, и в этом было все «перераспределение». Но вообще-то политика не мое дело. Мое дело – ловить бандитов. И поэтому я не особенно удивился, когда услышал про этого ответственного господина из Кабинета Министров.

Мы подошли к стоянке, и дежурный лениво вылез из своей сторожки, явно не намереваясь помогать нам. Но с Ионом Петрашку такие номера не проходят. Он толкнул заспанного парня с такой силой, что тот отлетел и после этого готов был вместе с нами проверять все машины. Мы и начали их проверять. Парень заступил недавно и не знал, какая машина подошла позже других. Но зато он знал, что рядом со стоявшими у ограды автомобилями нельзя ставить другие машины, так как те могут выехать в любую минуту, даже ночью. Поэтому наша задача намного облегчилась, и среди восьми автомобилей мы быстро нашли светлую «Волгу». Ключ подошел, и мы открыли автомобиль. Ничего интересного внутри не было. Ион действовал бесцеремонно: достал нож и орудовал им безо всякого стеснения. В бардачке мы ничего не нашли, кроме каких-то талонов, связки ключей, наверно, от квартиры.

В багажнике, кроме запасного колеса, лежало еще одно колесо и две канистры бензина, словно водитель готовился совершить путешествие вокруг света на своей «Волге». Мы в последний раз осмотрели салон автомобиля, проверили даже пепельницы. Мы уже собирались уходить, когда Ион достал аптечку. Она была необычайно тяжелой. Это нас насторожило. И мы уже не очень удивились, когда внутри оказались деньги. Плотные уложенные пачки столлларовых купюр. Мы пересчитали их. Здесь было ровно восемь пачек. Восемьдесят тысяч долларов. Нужно было видеть лицо охранника этой стоянки. По-моему, он даже пожалел, что спал на посту. Теперь он будет проверять все машины, но второго такого случая у него не будет.

Забрав деньги, мы пошли к дому. Там уже грузили труп. Аракелов был рядом, Михалыч приказал ему ехать в морг. Это тоже была наша традиция. Ни один труп, ни один раненый не должен был уехать с места происшествия без нашего человека. Это была правильная тактика, и мы в этом не раз убеждались... Сверху принесли еще двоих убитых, а испуганные соседи не могли понять, что случилось. Зуев уверял всех, что ничего страшного не произошло. А из дома вынесли три трупа. Никто не думал, что все так получится. И тот, который выбросился из окна, не должен был делать этого. И сам Коробок сегодня ошибся последний раз в жизни. Он обязан был знать, что нельзя стрелять в сотрудников спецназа, тем более в нашего Михалыча. Но, наверно, подполковник сильно достал его, если Коробок решил нарушить традицию. Он ведь точно знал, что после этого живым из квартиры не выйдет. Это в кино бывает, когда убивают товарища, а другие сотрудники мужественно терпят, передавая бандита в руки правосудия. В нашей группе такого нет. Во-первых, мы вообще не верим в правосудие, и тем более в наше правосудие. Во-вторых, в случае смерти любого из наших товарищей мы становимся неуправляемыми. И не только «бешеные» Петрашку или Хонинов, но и все остальные. Мы бы разрезали Коробка на мелкие кусочки, устроили бы ему показательную казнь, но живым он бы все равно не ушел. И об этом знают все бандиты, с которыми мы сталкиваемся. А тот, кто стреляет, тоже знает, что с этой секунды он мишень. Мишень для всех сотрудников нашего отряда.

Конечно, про деньги говорить сразу нельзя. Особенно при этой журналистке. И почему только мы согласились взять ее с собой? Ведь знали заранее, что с Коробком будут неприятности. Просто Михалыч стольким журналистам отказывал, что, видимо, решил наконец взять эту

с собой. И так неудачно взял. Теперь она напишет о героических буднях милиции и кровавых перестрелках, так ничего толком и не разузнав.

Когда мы поднимались в квартиру, там уже слышались громкие голоса. Здесь была территория Кочетова. Того самого прокурора, который всегда портил нам кровь и с которым вечно у нас были проблемы. Он, наверно, и сейчас приехал, узнав о случившемся. Три трупа – это его конек. Он теперь нам все припомнит. Уже на пороге квартиры я услышал его резкий, неприятный голос. И переглянулся с Ионом. Вообще-то лишние слова ни к чему. Все можно сказать и взглядом. Капитан понял мой вопрос. Он спрятал деньги в аптечку, старательно уложив все пачки. И только после этого мы вошли в квартиру. Там действительно находился Кочетов и три работника прокуратуры. И зачем только прокуратура вечно сует свой нос туда, куда не надо. Лучше бы искали нарушения в других местах. Общий надзор у них еще никто не отнимал.

– Вы не имеете права устраивать здесь кровавые побоища, – гневно говорил прокурор, – и не нужно оправдывать свои действия, подполковник. Мне и так понятно, что вы слишком часто применяете оружие там, где его применение не диктуется необходимостью. – Это он говорит нам в пятом часу утра, когда мы только что обезвредили группу особо опасных рецидивистов во главе с Коробком и потеряли одного товарища, раненного в руку. Хорошо еще, что Михалыч более выдержанный, чем Сергей Хонинов или Ион Петрашку. Иначе другой на его месте просто послал бы этого прокурора подальше. И был бы абсолютно прав.

Глава 4

Приехавший в пятом часу утра к месту происшествия Кочетов был очень недоволен действиями группы Звягинцева. Он и раньше не особенно ладил с офицерами этого подразделения, считая их чересчур самостоятельными и независимыми. По его убеждению, они слишком часто балансировали на грани закона. И хотя прямых фактов у него не было, он справедливо подозревал, что сотрудники группы Звягинцева довольно часто нарушают законы, предпочитая не разглашать методов и приемов своих операций. После того как в прошлом году погибло двое сотрудников Звягинцева и было убито пятеро бандитов в перестрелке, он принял решение лично курировать действия этой группы.

Кочетову шел сорок пятый год. Это был рано поседевший обрюзгший мужчина с большими мешками под глазами и больными почками, что сказывалось на его характере.

В прошлый раз ему выговаривал прокурор города, и теперь Кочетов твердо решил сам выезжать на место происшествия в случае повторения подобного. Когда дежурный местного УВД позвонил домой и доложил о случившемся на его территории, Кочетов решил сразу приехать на место трагедии. Из сообщения дежурного он знал, что погибло трое людей и было ранено двое. Он не знал, кто погиб, а кто из офицеров милиции ранен. Но он твердо решил, что подобное больше не сойдет с рук ни Звягинцеву, ни членам его группы.

Поэтому, забрав заместителя начальника УВД по оперативной работе полковника Серегина и двух своих сотрудников, он приехал на место происшествия, решив разобраться в случившемся. И на месте узнал, что трое из преступников, которых обязаны были захватить живыми люди Звягинцева, оказались убитыми, а один тяжело ранен.

Именно поэтому теперь он стоял в квартире, где произошла трагедия, и гневно выговаривал подполковнику.

– Как только появляется ваша группа, всегда есть жертвы, подполковник, – гневно говорил Кочетов.

– Мы их предупреждали, – устало заметил Звягинцев, – но они первыми начали стрельбу.

– Вы не имеете права устраивать здесь кровавые побоища, – с трудом сдерживаясь, сказал прокурор, – и не нужно оправдывать свои действия, подполковник. Я и так знаю, что вы слишком часто применяете оружие там, где его применение не диктуется необходимостью.

В квартиру вошли еще два офицера из группы Звягинцева, но Кочетов уже не обращал ни на кого внимания.

– Я предупредил вас, чтобы вы действовали на моей территории достаточно аккуратно, – продолжал он.

– Нас все время используют в центре города, – пожал плечами подполковник, стараясь говорить спокойно.

– И тем не менее на счету вашей группы уже два десятка трупов, – нервно проговорил прокурор, – вы превращаетесь в отряд карателей, словно вам поручили отстреливать людей по всему городу без суда и следствия.

– Нам поручают самые сложные дела, – сдержанно объяснил Звягинцев, – и бандиты, как правило, оказывают ожесточенное сопротивление. Мы тоже несем потери.

– Знаю я ваши потери, – отмахнулся прокурор, – рассказывайте, что у вас здесь произошло.

Заместитель начальника УВД полковник Серегин сел рядом, но дипломатично отвернулся. Он знал, какие задания поручают людям Звягинцева, и в душе не одобрял прокурора.

– Мы получили известие, что в этой квартире находится особо опасный рецидивист Коробков, – коротко доложил Звягинцев, – по нашим агентурным данным, он никогда не бывал один. Его всегда сопровождали два-три телохранителя.

– Это бывший работник милиции! – напомнил прокурор, сделав ударение на последнем слове.

– Да, бывший, – перенес ударение подполковник, – у него было несколько судимостей. На счету его банды дерзкие преступления, в том числе и убийства сотрудников милиции. Получив сведения, мы приехали и оцепили квартиру. На предложение сдаться Коробков и его люди ответили отказом. Тогда мы и взяли штурмом квартиру. Во время штурма один бандит был убит, а другой тяжело ранен и отправлен в больницу.

– Как это один? – спросил Кочетов. – А мне сообщили, что трое.

– Вам сообщили конечный результат. Когда мы сюда ворвались, один из преступников, очевидно, вышедший на связь с бандой Коробкова, по еще не установленным причинам решил выброситься из окна.

– Вы ему не помогали? – быстро спросил Кочетов.

– Владлен Константинович, – развел руками Звягинцев, – вы же меня знаете столько лет. Неужели вы думаете, я разрешу выбрасывать столь ценного свидетеля в окно, предварительно не допросив его?

– Вот в это охотно верю, – вдруг улыбнулся прокурор, – на вашу снисходительность бандитам рассчитывать действительно не приходится.

– Когда он попытался выброситься, мы тоже попытались его остановить. И тогда Коробков решил, что может использовать свой шанс. Он ранил нашего сотрудника, а наши офицеры, к сожалению, пристрелили его...

– Но они тоже стреляли в сотрудников милиции, – раздался вдруг сзади женский голос. Прокурор гневно обернулся на него.

– Это еще что такое?

– Я журналистка. Меня зовут Людмила Кривун, товарищ прокурор, – с достоинством ответила журналистка, называя свою газету, – может, вы читаете мои криминальные репортажи.

– Вот только журналистов нам и не хватало, – окончательно разозлился прокурор. – Выйдите из комнаты и не мешайте разговаривать.

Но нахальную девушку нельзя было запугать.

– А еще прокурорский работник. Это так вы понимаете свободу печати?

– На эту тему мы подискутируем потом, – отрезал Кочетов, и один из его сотрудников, подбежавший к журналистке, вывел ее в другую комнату.

– Надо было еще телевидение позвать, – разозлился прокурор, – и снимать ваши героические действия. Рекламы захотелось?

Это было несправедливо. Журналистов Звягинцев не любил и никогда не приглашал. Ему насильно навязывали их общение, и он вынужден был один раз в году соглашаться, чтобы не портить окончательно отношения с руководством. Прокурор понял, что несколько перегнул.

– Ладно, – выдохнул Кочетов, – все равно уже ничего не исправишь. Что вы здесь обнаружили?

– Целый склад оружия, – Звягинцев кивнул в угол, – они всегда бывают вооружены лучше нас. Посмотрите, какую винтовку мы нашли. С лазерным прицелом. У них были даже гранаты. Мы просто сумели быстро сюда ворваться, иначе они бы сопротивлялись долго, и еще неизвестно, сколько бы было трупов.

– Документы у погибших были? – осведомился Кочетов, хмуро глядя в сторону лежавшего на полу оружия.

– У Коробкова нашли два паспорта, – кивнул Звягинцев, – у его ребят тоже были разные документы. И интересно узнать, где они получают эти новенькие паспорта.

– По-моему, это как раз то, чем вы должны заниматься, – ядовито заметил прокурор, поднимаясь со стула, – что-нибудь еще нашли?

Шувалов и Петрашку, стоявшие в соседней комнате, слышали разговор прокурора с их командиром. Но согласно строгим внутренним правилам никто из них не мог вмешаться и доложить о найденных в машине деньгах, об удостоверении сотрудника Кабинета Министров. Все это мог сказать только сам подполковник. Либо не сказать вообще. Окончательное право решать, что говорить, могло принадлежать только одному человеку.

– Есть некоторые странные вещи, которые мы проверяем, – сказал Звягинцев, – в том числе и по самоубийце.

Он не добавил больше ничего, а прокурор больше ничего не стал спрашивать. Но Серегин решил уточнить:

– Этот самоубийца не входил в банду Коробкова?

– Судя по всему, нет. Он оказался здесь случайно и, по-видимому, был посвящен в секреты, которые представлялись ему настолько важными, что он решил прыгнуть из окна, – ответил Звягинцев.

– Вы все точно проверьте, – Кочетов подошел к оружию, – все оружие направить на идентификацию, – строго напомнил он. – В общем, опять вы нас обошли, Звягинцев. Пока меня нашли и пока я сюда приехал, вы успели все подчистить. Трупы увезли, раненые в больнице. Надеюсь, ваш офицер пострадал не очень сильно?

– Ранение в руку, – доложил подполковник, – но пока из больницы никто не звонил. И мы не знаем подробностей.

– Составьте все акты, и я подпишу, – уже мягче сказал прокурор, – вообще-то я приехал сюда не за этим. Мне действительно не нравится, Звягинцев, как вы действуете. Вы понимаете, что вызываете своими действиями волну критики со стороны руководства города и подставляете себя под удары бандитов. Другие группы спецназа действуют хотя бы в масках или стараются себя не афишировать, а вы словно сорвавшиеся с цепи сумасшедшие. Мне уже намекали, что пора расформировывать вашу группу.

Звягинцев выслушал эту речь молча. Потом повернулся и, словно ничего не произошло, сказал, обращаясь к майору Зуеву:

– Заканчивайте обыск. И готовьте протокол.

– Надеюсь, понятых вы потом хотя бы позовете, – проворчал прокурор на прощание, поняв, что его речь пропала впустую. И первым вышел из квартиры. За ним поспешили Серегин и сотрудники прокуратуры. После их ухода, когда в квартире остались только офицеры группы Звягинцева, подполковник подозвал Петрашку.

– Нашли что-нибудь на стоянке?

Вместо ответа Петрашку протянул аптечку с пачками долларов. Звягинцев вытащил одну.

– Это серьезно, ребята, – сказал он задумчиво, – чтобы никто об этом не знал.

Звягинцев вышел в гостиную и подозвал журналистку.

– Послушайте меня очень внимательно, – сказал он, глядя ей в глаза, – я сам не знал, что все так сложится. Но предупреждаю, о сегодняшнем героическом рейде нашей группы вы не напишете ни слова. Ни одной строчки, вы меня понимаете? Иначе я сейчас просто оставлю вас здесь, и вы ничего не сможете узнать или увидеть.

Журналистка пожалала плечами.

– Это нужно в интересах дела, – с нажимом продолжил Звягинцев, – поэтому сядь в углу и не мешай нам работать. – Когда он переходил на «ты», это было знаком его доверия. – И чтобы я не слышал ни единого звука. Достаточно и того, что ты присутствовала на сегодняшних событиях. А когда мы закончим, я обещаю интервью по любым интересующим тебя вопросам. Устраивает тебя такая сделка?

Она кивнула и отошла к дивану. Звягинцев оглядел собравшихся.

– Здесь мы больше ничего не найдем, – твердо сказал он, – а ситуация получается интересная. В паспорте нашего гостя есть его домашний адрес. Я предлагаю не ждать санкции прокурора и специального разрешения, а провести немедленно обыск. Немедленно. Его самоубийство, пребывание ночью с бандитами, найденные пачки долларов дают все основания к этому обыску. Я думаю, возражений не будет?

Глава 5

К дому Скрибенко мы подъехали в половине пятого утра, оставив Зуева дожидаться уехавших в больницы и морг наших ребят, которые должны были вернуться на квартиру, чтобы узнать новости еще до того, как мы поедем обратно, на службу. Это тоже наш закон. Все должны вернуться на место и все вместе приехать на службу. Все, кто останется в живых. За три с половиной года наша группа потеряла шесть человек. Это шестьдесят процентов личного состава. Я не знаю, были ли во время войны такие потери после самых ожесточенных сражений. По-моему, нам давно пора выдавать фронтовые сто граммов.

Да вдобавок еще и проблема с транспортом. «Воронок» мы отпустили, еще когда приехал прокурор, и нам остались всего два автомобиля. Байрамов и Дятлов уехали в больницу на нашей служебной «Волге», а свою «девятку» Звягинцев оставил Зуеву. Поэтому на квартиру Скрибенко нам пришлось отправиться вшестером, набившись в один джип. И, конечно, с нами поехала эта дамочка, от которой просто невозможно было избавиться. Но, по-моему, Михалыч и не очень хотел от нее избавляться, имея в виду, что небольшой скандалчик нам даже пригодится, чтобы гарантировать дальнейшее расследование дела.

С другой стороны, она тоже дамочка не промах. Как только Михалыч приказал собираться, сразу вскочила и первой поспешила к машине. Мы все четверо мужчин разместились на заднем сиденье. А Михалыч, который обычно сидел впереди, теперь вполне галантно уступил место этой дамочке. Хотя какая она дамочка? Скорее комиссар, в кожаной куртке и джинсах. Вернее, гибрид комиссара и современной ведущей на радио, которая говорит скороговоркой и курит больше мужиков.

Скрибенко жил в бывшем доме партийных вождей. Есть такие дома, сосредоточенные в самых лучших местах Москвы, квартиры в них давали только в ЦК или в горкомах. Скрибенко успел получить квартиру еще до того, как начал рушиться их старый мир.

Внизу сидел вахтер. Раньше здесь наверняка дежурили сотрудники милиции, а сейчас остался старичок, который даже не спросил у нас, куда мы направляемся. Четверо мужчин и одна женщина, похожая на мужчину, появившиеся здесь в столь раннее утро. Наверно, ему платили только за антураж, а охрана не входила в его обязанности. Мы оставили у автомобиля Хонинова. Он бывает нужен, когда надо произвести «активный» обыск и перепотрошить все до основания.

Нужную квартиру мы нашли быстро, но на звонки долго никто не отвечал. Мы уже хотели ломать замок, когда дверь открылась, и на пороге появилась недовольная особа неопределенного возраста. Волосы торчали в разные стороны, темно-серый халат был накинут на плечи. Она открыла дверь, даже не испугавшись наличия стольких незнакомых мужчин, грубо поинтересовалась:

– Что вам нужно?

Видимо, она еще спала и мы вытащили ее из постели. Михалыч выступил вперед:

– Это квартира Скрибенко?

– А вы не знаете, куда явились рано утром? – презрительно спросила эта особа.

– Нам нужно просто все уточнить, – не собиравшись уступать Михалыч, – вы его жена?

– Вы могли бы знать, что он давно в разводе. Я его сестра. В чем дело?

– Довольно много неприятного, – спокойно ответил Михалыч, – вот мое удостоверение, к вам мы приехали за помощью.

– Что случилось с братом? – прищурилась эта особа.

– Он погиб, – честно сказал Михалыч, – выпал из окна.

Женщина отшатнулась, но, судя по всему, она была мужественной женщиной. Повернувшись, она прошла в глубь квартиры, махнув нам рукой. Это была большая квартира с некогда

хорошо продуманной планировкой и ультрасовременной отделкой, но сейчас квартира явно требовала ремонта. Женщина стояла у окна к нам спиной. Если она и плакала, то делала это сдержанно и беззвучно. Мы молча ждали, когда она заговорит. Наконец она повернулась к нам.

– Что вам нужно?

– Мы должны посмотреть его вещи. Его личные вещи, – честно сказал Михалыч.

– Вы хотите обыскать квартиру? – поняла женщина.

– Да, – кивнул Михалыч. – Понимаю, – ответила женщина. Она, видимо, действительно все понимала, – там его комната, – показала она. – Вы привели эту молодую особу, чтобы она обыскала и меня?

Журналистка даже поперхнулась, а мы, несмотря на трагизм ситуации, весело переглянулись, представив эту сцену.

– Нет, – быстро ответил Михалыч. – Мы только хотели бы посмотреть личные вещи вашего брата.

– Да, конечно, – вздохнула женщина, – скажите, как он погиб?

– Я сказал вам правду. Он действительно выпал из окна пятого этажа, – Михалыч глядел ей в глаза, – я был рядом и не успел ему помешать. Он умер мгновенно.

– Почему он это сделал?

– Не знаю. Меня тоже очень волнует именно этот вопрос.

– Там его комната, вы можете посмотреть все, что вам интересно. А рядом кабинет. – Она устало опустила на стул.

– Бессонов, Петрашку, посмотрите там, – приказал Михалыч, – а мы с Никитой пройдем в кабинет.

В кабинет мы прошли вчетвером. И мы стали смотреть лежавшие на столе бумаги и записи. Нужно признать, что его сестра держалась мужественно. Она сидела в глубоком кресле молча, не произнося ни слова. Напротив сидела наша журналистка и тоже молчала.

Мы перебирали бумаги, пытаюсь найти что-то, что нам поможет. Это называется легкая форма обыска. Так сказать, поверхностный осмотр. Но мы проводим его тщательно, пытаюсь обнаружить какую-нибудь причину страсти хозяина квартиры к прыжкам из окна.

– Ваш брат работал в Кабинете Министров? – спрашивает Михалыч.

– Работал, – кивает женщина, – работал, – повторяет она, словно только сейчас понимая, что случилось. Но Михалыч, чутко чувствуя ситуацию, не дает ей раскиснуть.

– В каком отделе?

– В секретариате Кабинета Министров, – отвечает женщина, и Михалыч удивленно поднимает правую бровь. Это высшая степень удивления, и я уже знаю, что остаток ночи, вернее, остаток утра мы не будем спать.

– Вы не знаете, чем он там занимался?

– Работал, – пожимает плечами женщина, – он был обычным референтом. Он ведь и раньше там работал, когда еще это ведомство называлось Советом Министров.

– И тоже в секретариате?

– Нет. В отделе административных органов.

Нужно знать Михалыча, чтобы оценить его взгляд, брошенный на меня. А потом на журналистку, сидящую в кресле. Она все запоминает, и видно, что ее зрачки вращаются, как записывающие бобины магнитофона. Я все больше убеждаюсь, что подполковник специально взял ее с собой, чтобы гарантировать хороший скандал в том случае, если сегодняшнее расследование кто-нибудь попытается замять или спустить на тормозах. Я начинаю смотреть книги в шкафу. У всех партийных чиновников привычный набор книг. «Огоньковские» подписки семидесятых и восьмидесятых годов в полном объеме. Их тогда распределяли по специальным лимитам, и никто не мог получить их, кроме сотрудников райкомов и других подобных инстанций. Я достаю одну книгу. Конечно, страницы даже не открыты. Это Чехов. Признаюсь,

я не большой любитель Чехова, но когда страницы даже не раскрыты, это неприятно. Словно родившийся мертвый ребенок. Эта книга могла доставить кому-то радость, сделать человека немного лучше или добрее, а вместо этого была заключена в стеклянную колбу шкафа и пылилась там до моего появления. В девяти из десяти случаев книги собирали для престижа.

Впрочем, некоторые книги раскрывались и даже активно читались. Затертый Горький. Довольно потрепанный Толстой. Все-таки молодец этот Скрибенко. У меня мама была библиотекарем, и я научился если не любить, то хотя бы ценить книги.

– А семья не жила вместе с ним? – спросил Михалыч.

– Он развелся сразу после того, как получил эту квартиру, – пояснила его сестра, – семья здесь никогда не жила. Они формально были в браке много лет, но фактически не жили вместе. Вы же знаете, тогда не разрешали разводиться ответственным сотрудникам центрального аппарата. Вот он и вынужден был не оформлять свой развод до восьмидесят седьмого года. А квартиру он получил в восьмидесят третьем.

– Это его библиотека? – спрашивает Михалыч, видя, как я достаю книги. У него взгляд наметанный, он все замечает.

– Не совсем. Здесь есть и мои книги. Мы с ним живем давно вместе.

Значит, Толстой и Горький не писатели ее брата. Это скорее ее кумиры. Но я уже смотрю другую полку, где лежат фотографии. Целая пачка фотографий. Я лениво перебираю ее, скорее для проформы, чем по необходимости. Какая мне разница, у кого на коленях он сидел в детстве или с какой девушкой любил фотографироваться. Здесь в основном семейные фотографии. А вот в другом альбоме лежат более поздние фотографии. Я показываю Михалычу, и тот кивает, чтобы я все проверил. Из другой комнаты доносится неясный шум. На Бессонова еще можно положиться, он действует аккуратно, а вот Ион в квартире что слон в посудной лавке. Лучше бы мы взяли Зуева.

– У вашего брата были близкие друзья? – спрашивает Михалыч. – Он не говорил вам, куда он сегодня пойдет?

– Нет, не говорил.

– А вы не спрашивали?

– Конечно, нет. Это было его личное дело. Мы уже не в том возрасте, когда нужно контролировать друг друга.

– Но он часто уходил по ночам? – настаивает Михалыч.

– Нет. Почти никогда. Но иногда уходил. У него была женщина, у которой он оставался ночевать.

– И он не предупреждал вас?

– Иногда предупреждал, – горько отвечает она.

Я продолжаю листать альбом.

Почему у всех его друзей такой нагло-самоуверенный вид. И у всех одинаковые костюмы. Словно все они вышли из инкубатора. Впрочем, раньше так и было. Все мы, советские, были как инкубаторские. Вот на одной карточке погибший в поездке за рубежом. Все тридцать человек стоят в темных костюмах, и все строго смотрят в объектив.

– А сегодня ночью он вас предупреждал? – не унимается подполковник.

– Он сказал, что задержится. Обещал вернуться поздно. У него есть, были свои ключи, и поэтому я легла спать, даже не думала... даже не думала... что все так случится.

Журналистка, слава богу, ничего не записывает, но я думаю, что в ее сумочке есть и магнитофон, который она уже включила. Она слишком подозрительно держит сумочку на коленях и бережно перекладывает ее, когда хочет поменять позу. Впрочем, сестра хозяина дома ничего не замечает. А я продолжаю листать альбом. Кажется, я успел ознакомиться со всеми друзьями и сослуживцами Скрибенко. На одной карточке он даже сфотографировался с одним из тех

деятелей, портреты которых украшали стены домов в праздничные дни. Правда, хозяин дома не один. Там более ста пятидесяти человек, и среди них, на заднем плане, хозяин дома.

– Вы не догадывались, куда он мог поехать? – спрашивает подполковник, и в этот момент я, перевернув страницу альбома, вдруг ошеломленно поднимаю голову. По моему виду Михалыч понимает, что произошло нечто невозможное, и осторожно делает три шага в мою сторону. Сейчас главное сделать так, чтобы ничего не поняла эта журналистка. Я переворачиваю страницу и быстро перебираю фотографии. Так и есть. Эта самая фотография. И, видимо, снятая совсем недавно. Михалыч уже стоит рядом со мной.

– Нет, не догадывалась, – отвечает сестра хозяина, и подполковник берет у меня фотографию. Он все-таки молодец. На лице не дрогнул ни один мускул. Просто он внимательно смотрит и кивает, словно ждал именно этого доказательства. Из соседней комнаты выходит Петрашку.

– Нашли несколько любопытных документов, – говорит он, чуть растягивая по привычке слова. Журналистка насторожилась. Я так и думал, что в сумочке у нее магнитофон, она быстро сует туда руку. Видимо, экономит пленку, надеется, дурочка, нас перехитрить. Она даже не догадывается, что подполковник может все понять. И не знает, что все равно не вернется с этой пленкой домой. Она исчезнет из сумочки, а потом ее пришлют ей с нарочным. Через несколько дней, когда уже можно будет обо всем говорить. Но эта фотография... Наши ребята еще не знают, что произошло, а я пытаюсь скрыть свое смятение под маской равнодушия. Фотография меня потрясла. Мне казалось, что я уже ко всему равнодушен. И даже не удивлялся, когда застал столь ответственного товарища из Кабинета Министров в ночной компании с Коробком и его ребятами. Но фотокарточка... На ней снялись наш погибший хозяин дома и... кто бы вы думали? Сам полковник Горохов, наш непосредственный начальник и куратор. И либо это галлюцинация, которой я никогда не страдал, либо мы на пороге самого громкого скандала в нашей среде. Интересно, как полковник объяснит эту фотографию?

Глава 6

Увидев фотографию, подполковник Звягинцев не сказал ни слова. Он помнил и о журнальке, и о сестре погибшего Скрибенко. Звягинцев, подумав немного, положил фотографию обратно и сказал, обращаясь к хозяйке дома:

– Вы не будете возражать, если мы заберем этот альбом с фотографиями?

– Вы хотите забрать все фотографии? – встрепелась женщина.

– Нет, конечно, – быстро ответил подполковник, – достаточно будет, если мы заберем десять-двенадцать штук: они будут нужны для последующего опознания вашего брата. – Он сказал первое, что пришло в голову, но женщина даже не стала прислушиваться к его словам, а вот журналистка удивленно посмотрела на подполковника.

– Заканчиваем, ребята, – твердо сказал подполковник, – составьте протокол выемки. Я думаю, нужно отобрать несколько фотографий.

Шувалов кивнул, понимая, что в числе изъятых должна оказаться и эта фотография. Бессонов подошел к столу.

– Нашу журналистку можешь использовать в качестве понятой. И пригласи кого-нибудь из соседей. – Звягинцев отошел к окну и достал сигареты. Потом, спохватившись, обернулся к Бессонову. – Пронумеруйте фотографии, и пусть хозяйка дома распишется.

– Пригласите Константина Гавриловича, – предложила женщина, – он встает в шесть утра и делает зарядку. Это бывший генерал пограничных войск. Он живет над нами.

– Пригласи, пригласи, – разрешил Звягинцев, устало посмотрев на часы. Было уже без пятинадцати шесть. Звягинцев вышел на лестничную площадку, чтобы выкурить сигарету. За ним вышла журналистка.

– Вам на самом деле так нужны фотографии погибшего? – спросила она, искоса взглянув на подполковника.

– Конечно, – невинным голосом ответил Звягинцев, – фотографии всегда нужны. Нам еще намылят голову за то, что этот ответственный сотрудник Кабинета Министров выбросился в окно.

– Вы считаете, что он был связан с бандитами? – уточнила она.

– Пока мы ничего не знаем, – осторожно ответил подполковник, – возможно, что оказался в квартире случайно.

– А как вы считаете, он попал туда случайно? – не унималась та.

– Я не знаю, – Звягинцев затаился, – я еще не составил определенного мнения. Во всяком случае, вы можете выключить магнитофон, который вы прячете в сумочке. К теме нашей беседы он не имеет никакого отношения. Мы же договаривались, что без моего согласия вы не опубликуете ни строчки.

Она покраснела. Потом решительно тряхнула своей короткой стрижкой и, засунув руку в сумочку, выключила магнитофон.

– Я бы все равно ничего не использовала из этой записи без вашего согласия, – оправдываясь, сказала она.

– Надеюсь, – без тени улыбки заметил подполковник, – но в любом случае это было нарушением нашей договоренности. Мы взяли вас на очень опасную операцию, – он опять перешел на «вы», и это было признаком охлаждения их взаимоотношений, – позволили участвовать в наших мероприятиях, стать свидетелем захвата банды преступников, привезли на место происшествия, а вы использовали наше доверие, решив обмануть нас. У меня есть все основания больше вам не доверять.

– Нет, – попросила она, – я не нарочно. Просто мне хотелось сделать так, чтобы репортаж по-настоящему получился.

– Для этого вы должны были хотя бы проинформировать нас, – выдохнул подполковник, оглядываясь на дверь. Он разговаривал с ней, не давая возможности вернуться в комнату. Сверху спускались Петрашку и пожилой человек, сохранивший удивительную выправку. Несмотря на раннее утро, он был тщательно выбрит и даже успел надеть галстук к белой сорочке. Звягинцев невольно улыбнулся. У генерала пограничников была своя многолетняя закладка старой школы.

– Доброе утро, – весело сказал он, – извините, что побеспокоили так рано.

– Ничего, – ответил генерал, протягивая руку и сжимая ее в крепком рукопожатии, – ничего страшного. Я уже проснулся, только вашему товарищу пришлось подождать, пока я закончу бриться.

– Спасибо вам, проходите в квартиру, – предложил подполковник, чуть посторонившись. Взглянув на часы (было уже шесть часов утра), подполковник достал телефон и позвонил Зуеву. – Как у тебя дела?

– Все в порядке. Вернулись Байрамов и Дятлов. У Влада ничего страшного, сквозная рана.

– Ну, слава богу. Он в больнице?

– Нет, они вернулись. Нужно видеть, какой у него вид. Не хочет отсюда уходить, ждет, когда ты вернешься.

– А остальные?

– Маслаков звонил из больницы. Он дежурит рядом с раненым. У того положение хуже: может не выжить.

– Это будет совсем некстати, – пробормотал подполковник, – мне бы очень хотелось, чтобы он ответил на некоторые наши вопросы.

– Аракелов тоже вернулся, – сообщил Зуев. – У Скрибенко нашли родственников?

– Нашли. Но ее сейчас лучше не трогать, – чуть подумав, сказал Звягинцев, – это его сестра. Пусть немного придет в себя, и тогда привезем ее в морг. Звонки какие-нибудь были?

– Два раза кто-то звонил. Я уже просил проверить. Звонили с улицы, из телефона-автомата.

– В шесть часов утра, – задумчиво произнес Звягинцев, – интересные были знакомые у Коробка.

– Я об этом тоже подумал. И еще о Скрибенко. Почему погибший не боялся встречаться с бандитами в два часа ночи? Неужели они были так тесно связаны?

Подполковник покосился на стоявшую рядом журналистку, плотнее прижал к уху телефон:

– Это мы будем проверять.

– Представляю, какой будет скандал, – услышал он слова своего заместителя, – ответственный сотрудник Кабинета Министров оказался ночью в одной квартире с бандитом-рецидивистом Коробком.

– Ты еще себе не все представляешь, – пробормотал Звягинцев, – оставь кого-нибудь из ребят на телефоне. Возможно, что это их пункт связи. Хотя откуда о нем узнала любовница Коробка, ума не приложу. У тебя есть ее адрес? Нужно будет заехать к ней и потолковать.

– Мне заехать или вы сами?

– Давай лучше ты. Мы уже здесь заканчиваем и скоро поедем обратно на работу. А ты заскочи к этой дамочке. С ней работали ребята из уголовного розыска. Ты ее потряси, пусть скажет, откуда она знала о встрече и почему решила выдать своего бывшего ухажера. – Договорились. Вам нужен ее адрес?

– Давай.

– Улица Усачева, сорок два.

Звягинцев убрал телефон, взглянул на журналистку.

– У меня есть несколько вопросов, – улыбнулась она.

– Надеюсь, вы не включите магнитофон? – спросил подполковник без тени улыбки.

– Нет, конечно. Мне интересно, что могло быть общего у бандитов с этим погибшим. Судя по всему, он был не особенно решительным человеком.

– С чего вы взяли?

– Когда мужчина не может жить один и нуждается в опеке своей сестры, он не самостоятельный человек, – резонно заметила она.

– Интересное наблюдение, – кивнул подполковник, – мне тоже так показалось. Но в этом-то и загадка. Мы сейчас заканчиваем, – сказал он, демонстративно взглянув на часы, – по-моему, вы можете ехать домой. И не забывайте, что вы дали слово. Ни строчки об этом деле, пока я вам не разрешу.

– А когда вы мне разрешите?

– Через несколько дней, – дипломатично ответил Звягинцев, – договорились?

– Идет, – деловито сказала она, – тем более, что пока писать не о чем. Бандитов вы постреляли, а главный свидетель выбросился из окна. Слушайте, может, они держали его в качестве заложника и требовали выкуп?

– У вас бурная фантазия, – улыбнулся подполковник.

– Я просто высказала свое предположение, – пожала она плечами.

Подполковник открыл дверь и поманил к себе Шувалова:

– Возьми такси, поезжай, проводи нашу журналистку домой. Возвращайся.

– Ясно, – Шувалов недовольно кивнул. Ему с самого начала не нравилась эта молодая нахалка, и он не особенно это скрывал.

– Только она сначала подпишет документы в качестве свидетеля, – предложил подполковник, – поторопи Бессонова, пусть заканчивает. У нас еще полно дел в управлении.

Через двадцать минут все спустились вниз, где в машине спал Хонинов.

– Сергей, просыпайся, – негромко сказал Звягинцев, – едем на работу.

Хонинов открыл глаза, словно и не спал.

– Нашли что-нибудь?

– Нашли, – кивнул Звягинцев, устраиваясь на переднем сиденье. – Значит, так, ребята, – подполковник повернулся к сотрудникам, – с этой минуты вы ничего не знаете, ничего не видели, пока я не поговорю с полковником Гороховым. Мне нужно выяснить все самому. Если Горохов был каким-то образом связан с Коробком, то почему он не предупредил их о нашей операции? У него было много времени. Нет, не все так просто. – Звягинцев достал телефон, набирая номер Зуева. – Чувствую, отнимут скоро у нас эти телефоны, – проворчал он, – слишком много денег они жрут.

К его удивлению, номер не отвечал.

– Не отвечают? – спросил Петрашку. – Может, оставили телефон в машине?

– Зуев не мог оставить телефон, – возразил подполковник. – Черт возьми, почему они не отвечают? Какой телефон был в той квартире у Коробка? Кто-нибудь помнит?

– Я помню, – сказал Бессонов, называя номер телефона. Звягинцев быстро набрал номер. Трубку снял Аракелов.

– Что у вас происходит? – строго спросил подполковник. – Почему не отвечаете?

– Никого здесь нет, – доложил Аракелов, – наши уехали. А меня оставили пока здесь.

– Когда уехали?

– Уже минут пятнадцать.

– У Зуева телефон работал?

– По-моему, да. Он ведь говорил с вами.

– Ясно. Ты один?

– Нет, сейчас пришел участковый. Пытаемся починить входную дверь.

– Хорошо. Если кто-нибудь позвонит, сообщай мне. – Звягинцев закрыл телефон, потом, подумав немного, снова набрал номер Зуева. Снова никто не отвечал.

– Может, у него батарейки сели, – предположил Бессонов, видя, как нервничает подполковник. И в этот момент наконец кто-то ответил.

– Алло, Зуев, – недовольно сказал Звягинцев, – почему долго не отвечал?

– Кто это говорит? – услышал он чужой голос.

– Я звоню своему другу, – быстро сориентировался подполковник, – а кто со мной говорит? Может, я ошибся номером?

– Нет, вы не ошиблись. Просто вашего друга больше нет.

– Как это нет? Кто говорит?

– Это неважно. перезвоните попозже.

– Подождите, – закричал подполковник, но на другом конце уже отключились.

– Быстро на улицу Усачева, – приказал Звягинцев, – поворачивай машину. С ребятами что-то случилось. – Хонинову не нужно было говорить дважды. Он развернул автомобиль так, что заскрежетали тормоза. И рванул машину в другую сторону. Огромный, мощный джип неся по утренним улицам Москвы с максимально возможной скоростью. Все четверо сидели молча, понимая, что произошло нечто невозможное. Зуев не мог так просто отдать телефон чужому человеку. Хонинов, сцепив зубы, выжимал из двигателя все, пугая попадавших на пути машины и пока еще редких прохожих.

Уже подъезжая к дому, они услышали вой пожарных сирен и увидели пламя, бьющее из окон третьего этажа. Звягинцев выскочил из машины, не дожидаясь, пока джип затормозит, и едва не упал. Он подскочил к одному из офицеров милиции, стоявших в оцеплении.

– Я подполковник ГУВД, что случилось? – закричал он.

– Не знаю, – ответил офицер, – там произошел взрыв. Говорят, погибли люди.

В этот момент Звягинцев увидел рванувшегося к нему Дятлова. Тот был перепачкан сажей и бормотал нечто невразумительное.

– Что случилось? – закричал подполковник.

– Они погибли! – Дятлова колотило. – Они оставили меня здесь, а сами поднялись вдвоем. Зуев и Байрамов. Оба погибли сразу. На двери было взрывное устройство. Когда я бежал в подъезд и поднялся на этаж, все было кончено. Я вызвал пожарных и «Скорую помощь», Зуева разорвало на куски, он стоял за дверью, а у Маира снесло полголовы.

Звягинцев закрыл глаза, стиснув зубы. Он не впервые терял своих товарищей. Но впервые так глупо.

– А вы говорили, мог предупредить, – услышал он голос Хонинова. И, словно очнувшись, приказал: – Сергей, с этой минуты ты заменяешь Зуева, собери ребят, вернетесь в управление. На какой машине вы приехали? – спросил он у Дятлова.

– На «Волге», вашу «девятку» мы оставили Аракелову.

– Хорошо, – повернулся подполковник, – узнайте, куда увезут... куда увезут их тела. Встретимся в управлении. И дай мне фотографию.

– Товарищ подполковник, – услышал он рассудительный голос Бессонова, – если это организовал Горохов, то ваша беседа ничего не даст.

– Возможно, – горько кивнул Звягинцев, – но я буду знать, почему так все произошло. Встретимся через час. – Он повернулся и, не сказав ни слова, пошел к «Волге». Офицеры смотрели ему вслед.

– Нужно было поехать с ним, – задумчиво сказал Петрашку.

– Он не хочет, – возразил Хонинов, – может, он и прав. Но если это организовал Горохов... – Он, не договорив, сжал кулаки.

– При чем тут Горохов? – спросил ничего не понимающий Дятлов.

– Пойдем посмотрим, что там случилось, – не ответил Хонинов, – и куда делась эта сучка, любовница Коробка, живущая в этой квартире. Она не подумала, что мы ее найдем и снесем голову за наших товарищей?

Глава 7

Думаете, мне очень хотелось провожать эту журналистку? Но Михалыч так выразительно на меня посмотрел, что я понял, как нужно поступить. На прощание он показал мне на сумочку, и у меня не осталось никаких сомнений. Нужно было только найти соответствующее место, чтобы сделать все так, как требовалось. Рядом, к сожалению, не было никакого строительства. Даже немного обидно: вся Москва перекопана, а здесь нет ни одного строительства. Если бы была какая-нибудь стройка, я бы повел нашу молодую нахалку через эту стройку и по дороге у нее «случайно» могла открыться сумочка и упал бы ее магнитофончик. Разумеется, все это нужно было сделать осторожно, чтобы эта настырная особа ни о чем не догадалась. Но стройки рядом не было, и нам сразу пришлось идти на улицу и ловить такси. Придется действовать нетрадиционными методами, решил я для себя.

Остановив машину, я галантно пропустил даму вперед и забрался рядом с ней на заднее сиденье. К этому времени магнитофон был уже у меня в руках. Теперь нужно было достать из него кассету так, чтобы она ничего не заметила. Она назвала адрес своего дома, и мы поехали.

– Вы давно знакомы с подполковником Звягинцевым? – спросила она, и я, признаться, даже обрадовался, так как во время разговора легче всего незаметно достать кассету.

– Несколько лет, – ответил я, стараясь не особенно много разговаривать.

– Он производит впечатление толкового человека, – осторожно сказала она. Неужели она считает, что я могу рассказать что-нибудь о нашей группе? Она и так слишком много сегодня узнала. Я киваю, проворчав нечто невразумительное. Кассету я уже достал, теперь нужно вернуться на место магнитофона.

– У вас часто случаются подобные выезды? – снова спрашивает дамочка. Почему она не может сидеть спокойно? Я даже забыл, как ее зовут. Кажется, Лариса.

– Знаете, Лариса, – осторожно говорю я, – мы обычно выезжаем не так часто, как вы думаете. Такие операции случаются не каждый день.

– Между прочим, меня зовут Людмила, – немного обиженно говорит она. Это, по-моему, единственное, что ее задело.

– Извините.

– А как вас зовут? – Это не очень большой секрет, но лучше, если бы я не называл своего имени. Дамочка должна знать только имя нашего командира и больше никого.

– Меня зовут Кирилл Константинов, – назвался я именем известного вора в законе, убитого нами полтора года назад. Пусть теперь называет мое имя, если захочет, в своих репортажах.

– Очень приятно. Я думала, что ваш командир так и не назовет никого. Хотя я слышала фамилию Мурашку или Петрашку. Он, кажется, молдаванин.

– Нет, вам показалось. Командир говорил «мурашка», – улыбаясь, объяснил я ей. Если Ион узнает, как я его называю, он обязательно набьет мне морду.

– Как интересно. А почему такое странное имя?

– Просто он умеет хорошо проводить обыски, и мы ласково называем его «мурашкой», – продолжаю отчаянно врать я. Она кивает, а я понимаю, что теперь в ее репортаже, если она захочет его написать без нашего ведома, будут фигурировать и Кирилл Константинов, и наш «мурашка». Представляю, как будут смеяться ребята.

На улицах довольно много машин, но к ее дому мы подъезжаем благополучно. Я выхожу и протягиваю деньги водителю. Она удивленно смотрит.

– Вы хотите подняться? – спрашивает она.

Еще чего. Почему я должен к ней подниматься? Вместо груди у нее два маленьких холма, а ноги как палки. Непонятно вообще, кто она – девушка или парень. Такие мне никогда не нравились.

– Я просто хочу вас проводить до дома, – пробормотал я, – у нас такое правило. Все делать до конца.

– Хорошо, – улыбается она и идет первой. Теперь мне нужно ее догнать. Я успеваю сделать это прямо у подъезда, чуть споткнувшись о ступеньку и налетев на нее. Она оборачивается, и я успеваю всунуть магнитофон в сумочку. Как хорошо, что современные магнитофоны журналистов настолько малы, что так легко помещаются в сумочке. Уже когда мы входим в ее подъезд, я киваю ей:

– До свидания, Людмила. Теперь я запомню ваше имя.

– До свидания, – улыбнулась она мне, – я думала, вы проводите меня до самой квартиры.

– Я вижу, что у вас безопасно, – пошутил я и, кивнув на прощание, вышел во двор. Кассета у меня в кармане, теперь нужно срочно возвращаться. Почему-то на этот раз я искал машину дольше обычного. Наконец я остановил какой-то старенький «Запорожец». Пока я добрался до работы, прошло еще сорок минут. Вы когда-нибудь пробовали рано утром доехать в центр города? Если нет, то считайте себя счастливым. Утром в понедельник проехать в центр города почти подвиг. Примерно такой же, как выехать в пятницу вечером из города.

Как бы там ни было, я добрался до нашего здания в девятом часу утра. Когда я проходил проходную, показывая удостоверение, дежурный офицер недоверчиво взглянул на меня, потом на мое удостоверение, но ничего не сказал. Вообще-то у нас есть своя специальная база, но на работу мы ходим на Петровку, как и многие другие офицеры. Нам выделили там три комнаты, в которых мы и размещаемся.

Я шел по коридору, видя удивленные лица сотрудников. Их было не так много в эти утренние часы, в основном еще оставшиеся с ночи дежурные и занятые в ночные часы воскресенья на работе офицеры. А тут вдруг несколько ошарашенных людей, пока наконец мой товарищ Леня Свиридов из уголовного розыска не остановился, увидев меня.

– Ты откуда? – спросил он.

– Все оттуда, – махнул я рукой. Я в нашей камуфляжной форме, но без знаков отличия и без обычного снаряжения. Вот он и удивляется, решил я, еще не зная, что он мне сейчас скажет.

– А ты что, разве был не с ребятами? – спрашивает он.

– Конечно, с ними. А почему ты спрашиваешь? – Я хочу пройти дальше.

– Слушай, Никита, где ты был?

– Как это где? – начинаю я нервничать. – Конечно, с ребятами. Мы выезжали всей группой. Ты ведь сегодня дежурил, должен был знать.

– Это вы брали Коробка?

– Ну если знаешь, то зачем спрашиваешь?

Леня смотрит на меня и вдруг тихо спрашивает:

– Значит, тебе пока еще ничего не сказали?

– Что мне должны были сказать? – я чувствую, что он уже не шутит.

– Двое ваших ребят погибли полчаса назад. Передали нам в УВД, что двое сотрудников группы Звягинцева погибли во время взрыва.

– Врешь, – хватаю я его за грудь, – кто, кто погиб?

– Я не знаю. Я думал, ты уже все знаешь.

– Где телефон? – бросаюсь я в соседнюю комнату и хватаю телефон. Быстро набираю номер подполковника. Аппарат отключен, сообщает мне бесстрастный голос дежурной. Набираю телефон Зуева. На этот раз аппарат не отключен. Но он почему-то не отвечает. Что происходит? Я вспоминаю, что третий телефон у Хонинова. Набираю его номер. Наконец-то мне отвечает капитан.

- Что у вас случилось? – кричу я, с трудом сдерживая волнение.
- У нас несчастье, Никита. Погибли двое ребят.
- Кто? – глухо спрашиваю я.
- Зуев и Байрамов, – безжалостно говорит Хонинов, и у меня падает сердце.
- Как?
- Мы сейчас на месте, пытаемся разобраться. Они взорвались в квартире, которая принадлежала той самой суке, что сообщила нам о Коробке.
- А где Михалыч?
- Он поехал к Горохову, в управление. Догадываешься зачем?
- Догадываюсь, – отвечаю я, – где вы находитесь?
- На Усачева. А ты где?
- Я на работе. Мне Ленка Свиридов все рассказал. Он сегодня дежурил.
- Поищи Михалыча. Мы здесь и без тебя справимся. Нас здесь трое, Влад не в счет, он с одной рукой. Попытаемся что-нибудь обмозговать.
- Понял, – бросаю я трубку, выскакиваю в коридор и сталкиваюсь с Михалычем. Лучше бы я его не видел. У него пепельно-серое лицо, и он смотрит на меня так, словно не узнает.
- Ты уже вернулся? – спрашивает он бесцветным голосом.
- Да, я ее проводил и кассету достал... – Пытаясь рассказать, я вытаскиваю кассету, но он меня не слушает. Эта кассета его больше не интересует. Он проходит мимо и идет дальше. И я догадываюсь, куда он идет. Так и есть, мы идем в другой конец, и он проходит мимо дежурного, даже не посмотрев в его сторону. Майор хочет что-то сказать, но, увидев глаза Михалыча, замолкает. Редко кто может выдержать такой бешеный взгляд нашего командира. Он входит в кабинет полковника, а я остаюсь в комнате с майором. Если этот майор хотя бы пикнет, я убью его собственными руками. Просто застрелю. Мы сейчас в таком состоянии, что с нами лучше не спорить. Потерять сразу двух ребят за одну ночь, даже трех с учетом ранения Дятлова, это не просто много. Это почти катастрофа. И поэтому я сижу в приемной и жду, когда выйдет наш командир. Пусть теперь полковник объяснит, каким образом он оказался на снимке вместе со Скрибенко. Пусть объяснит, что может быть общего между ним, полковником милиции, ответственным сотрудником Кабинета Министров и известным рецидивистом. Если бы не гибель наших товарищей, объяснить можно было все, что угодно. Но после смерти наших ребят все поменялось. У майора Зуева была большая семья, Байрамов недавно женился, и у него был маленький ребенок. Если Горохов хотя бы чуть-чуть замешан в этом деле, он не доживет до вечера. Михалыч не тот человек, который разводит сантименты. Оружие у него есть. Он просто пристрелит полковника и только потом пойдет сдавать оружие.
- Что у вас случилось? – спрашивает майор, сидящий напротив меня. Он толстый и лысый, типичный кабинетный червь, но я презрительно молчу, решив дождаться, пока выйдет командир, и в ответ неопределенно пожимаю плечами. Дверь подполковник прикрыл неплотно, видимо, спешил, я слышу некоторые фразы, которые постепенно складываются в предложения, по мере того как собеседники начинают говорить на повышенных тонах.
- Значит, ты мне не веришь! – кричит Горохов. – Ты готов поверить этой фотографии?
- Я верю фактам, – кричит ему в ответ командир, – никто не знал, что мы выезжаем на задание и берем Коробку. В управлении об этом знали только несколько человек, в том числе и ты. А полную информацию имел только ты. Откуда они знали, что мы поедем к бывшей сожительнице Коробкова? Кто мог узнать ее адрес и оставить в квартире бомбу?
- При чем тут я? Ты думай, о чем говоришь! – кричал полковник. – Совсем с ума посходили в своей группе. Всюду вам предатели мерещатся. Я тебе говорю, что эта фотография фотомонтаж. Я никогда в жизни не знал никакого Скрибенко, никогда даже о нем не слышал.

– Я тоже о нем не слышал до сегодняшнего утра. Но, увидев нас, он прыгнул в окно, словно боялся раскрыть какую-то большую тайну. Он боялся этой тайны больше, чем своей смерти. А потом у него дома мы нашли эту фотографию. И ты говоришь, что его не знал.

– Если ты мне не веришь, можешь передать фотографию в инспекцию по личному составу. Или в ФСБ. Пусть меня проверяют. Но сначала ты сам проверь, может, это фотомонтаж. Может, меня специально подставили, а ты приперся ко мне из-за этого дерьма и городишь такую чушь.

– У меня погибли двое ребят. Убит мой заместитель Зуев. Полголовы снесло у Байрамова. Ранен Дятлов. А ты говоришь, что все это дерьмо! – кричал Михалыч так, что майор испуганно вздрагивал, не решаясь даже подойти к двери и закрыть ее.

– При чем тут я? – окончательно разозлился полковник. – Не сходи с ума, Михаил. Прежде чем меня обвинять, нужно все проверить, а потом уже прыгать на своего товарища. Иди и проспись, а завтра мы с тобой поговорим.

– Сегодня, – Михалыч стукнул кулаком по столу, – сегодня. Я пойду на прием к министру. Никто не знал о нашей операции, кроме тебя и твоих людей.

– Иди куда хочешь, – тоже стукнул кулаком Горохов, – только учти, что с этой минуты я отстраняю тебя от командования группой. Теперь вместо тебя будет твой заместитель.

– Иди ты к... матери, – выругался подполковник, – ты даже не слушаешь, что тебе говорят. У меня уже нет заместителя. Майор Зуев сегодня убит. – С этими словами он вышел из кабинета, хлопнув дверью. Увидев меня, он кивнул и зло сказал: – Ты еще здесь. Очень хорошо. Позвони ребятам и узнай обстановку.

Он прошел дальше, словно не разобравшись до конца в своих чувствах. Потом повернулся и, взглянув на меня, спросил:

– А как твоя спутница?

– Я проводил ее домой. – Кассету вытащил?

– Да, я же вам докладывал.

– Помню, – тихо сказал он и вышел из комнаты. Я двинулся следом. Потрясенный майор сидел, открыв рот. Когда я выходил, он тихо прошептал:

– Они всегда так разговаривают?

– Всегда, – сказал я, выходя из кабинета следом за подполковником.

Глава 8

Они вышли вдвоем в коридор. Подполковник посмотрел на своего сотрудника.

– Позвони в больницу, узнай, как себя чувствует раненый. Пусть Маслаков дежурит до двенадцати часов дня. И никуда чтобы не отлучался. Потом я пошлю кого-нибудь из ребят. И попрошу установить там наш специальный пост.

Шувалов кивнул. Он видел, в каком состоянии находился подполковник, и не решался ничего спрашивать. Они прошли в свое крыло. Подполковник увидел Петрашку.

– У нас новости, командир. – Ион запыхался от быстрого шага. – Мы решили опросить соседей, которые живут рядом с Метелиной.

– И что?

– За десять минут до появления ребят туда приехала белая «Хонда» с двумя неизвестными. Они поднялись в квартиру.

Звягинцев открыл дверь кабинета, входя и жестом подзывая офицеров.

– Садитесь, – он тяжело опустился в кресло, – значит, говоришь, за десять минут до нашего приезда?

– Ребята еще там. Все проверяют, – кивнул Ион. – Труп этой стервы мы не нашли. Я дал оперативную установку по городу на ее задержание.

– Думаешь, ее увезли с собой?

– Уверен. Этот сосед уверяет, что машина почти сразу уехала.

– Номер он не помнит?

– Он его просто не увидел. Но точно знает, что приехавшая машина была «Хондой». У его брата «Хонда», только серебристого цвета. Я уже позвонил в ГАИ, чтобы переслали список владельцев белых «Хонд».

– Их может быть несколько тысяч, – недовольно заметил Звягинцев, – но это все-таки лучше, чем ничего.

– Нужно найти любовницу Коробка, – уверенно сказал Петрашку, – и тогда мы сможем выяснить, почему сначала она подставила своего бывшего любовника, а потом решила взорвать наших ребят.

– Правильно, – согласился Звягинцев, – но меня больше волнует, почему «Хонда» приехала за десять минут до нашего появления. Ведь наши сотрудники могли поехать к ней завтра или через два дня, получается, что они приняли решение после того, как узнали о нашем визите. – Оба офицера молча смотрели на него.

– Из этого может следовать, что кто-то предупредил другую сторону о приезде наших офицеров. Кто это сделал? – Петрашку и Шувалов переглянулись.

– Погибшие не в счет, – тихо продолжал Звягинцев, словно разговаривая сам с собой, – хотя кто-то из них мог, конечно, предупредить, не ожидая, что встретит подобный сюрприз. Вместе с ними был Дятлов. Он был ранен в руку, и у него была уважительная причина не подниматься вверх. Настолько уважительная, что он мог все рассчитать.

Оба офицера ошеломленно слушали рассуждения своего руководителя.

– Оставшийся в доме Аракелов имел больше всего свободного времени и спокойно мог позвонить, предупредив о поездке наших товарищей.

– Вы это серьезно? – спросил Петрашку.

– Я излагаю свою версию, – Звягинцев рассердился, – не нужно меня перебивать. Позже я отвечу на твой вопрос. Сережа Хонинов тоже мог позвонить, у него был наш третий телефон.

– Никогда не поверю, – проворчал Шувалов, но подполковник не отреагировал.

– Мог позвонить из больницы и Маслаков, мог позвонить и Бессонов, которого мы оставляли одного в комнате во время заполнения протокола. Мог позвонить и ты, Никита, поехавший провожать журналистку и имевший массу свободного времени.

– Вы и мне не верите, – вскочил Шувалов, но Звягинцев, словно набравший скорость поезд, продолжал, не останавливаясь:

– Мог позвонить и Петрашку, когда ходил за соседом Скрибенко. И наконец, больше всего свободного времени было у меня. Значит, каждый из нас может оказаться под подозрением.

Шувалов молчал. Петрашку покачал головой.

– Вы перечислили всех наших. Значит, вы всех подозреваете?

– Я никого не подозреваю, – закрыл глаза Звягинцев. – Легко проверить алиби каждого, за исключением погибших. Хонинов не мог позвонить: его звонок будет зафиксирован в памяти его сотового телефона. Аракелов не мог позвонить от соседей: пришлось бы отлучиться из квартиры. И ты, Ион, тоже не мог. У тебя было время только подняться до соседа Скрибенко. Тот наверняка мог запомнить, и Бессонов не стал бы звонить при журналистке и хозяйке дома. Не мог позвонить и Маслаков, который дежурит в больнице и должен был бы отлучиться со своего поста. Кроме того, он не знал, что группа выезжает на место. Можно очень легко проверить, звонил ему Зуев или нет. Да и звонки погибших фиксируются в памяти их мобильного телефона, который уцелел. Шувалов поехал провожать журналистку по моему приказу. Есть еще раненый Дятлов, который поехал с погибшими и не поднялся наверх. Но он не мог позвонить, так как был все время с ребятами. Остается только один человек. И этот человек я.

Наступило молчание.

– Вы хотите сказать, что это могли быть вы, – сказал наконец Шувалов.

– Я хочу сказать, что не могу подозревать своих ребят, – невесело ответил Звягинцев, – я работаю с вами уже несколько лет.

– Это мог быть кто-то другой?

Подполковник только пожал плечами.

Дверь открылась, и в комнату вошли еще трое офицеров: Хонинов, Бессонов и Дятлов. Последний вошел с перевязанной рукой и сел у входа.

– Вы говорили с полковником? – спросил Петрашку.

– Он уверяет, что это фотомонтаж. Бессонов, возьми фотографию и иди в лабораторию. Пусть проверяют тщательно. Но быстро.

– Ясно, – Бессонов исчез.

– Дятлов сидит на телефонах. Проконтролируй, чтобы уголовный розыск выслал своих сотрудников в больницу и на квартиру. Пусть прослушивают телефон. Ты меня понял?

– Сделаю, – поморщился Дятлов. Рана и бессонная ночь давали о себе знать.

– Петрашку и Шувалов занимают Скрибенко. Поезжайте к нему на работу, только переоденьтесь в нормальные костюмы. Постарайтесь все о нем узнать. И как можно быстрее. У нас в запасе полдня. Потом этим делом будут заниматься другие.

Петрашку молча кивнул.

– Хонинов ждет остальных и вместе с ними проверяет, куда могла подеваться бывшая любовница Коробкова. Мы до сих пор не знаем ее данных. Чтобы все о ней лежало у меня на столе через два часа. Сергей, иди в уголовный розыск и найди офицера, который с ней работал. Пусть объяснит, где ее искать. И по Коробкову все проверьте. По убитым тоже. Вас трое будет. Выходной я отменяю.

– Понятно, – ответил Хонинов, – а куда девать эту аптечку с деньгами? Мы пока ничего не успели оформить.

– Положи в сейф, сдадим вечером, – отмахнулся Звягинцев, – это сейчас не самое важное. Наша задача максимально быстро все выяснить. Максимально. Мне кажется, что мы попали в какую-то неприятную историю. Все, что произошло сегодня, лишено логики. Сначала нам сообщают адрес, где должен находиться Коробков. Мы едем туда и случайно находим человека, который как раз в этот момент привозит крупную сумму денег. Причем он напуган так, что выбрасывается из окна, лишь бы не отвечать на наши вопросы. Кажется, все сделано так, чтобы мы приехали туда именно в этот момент и застали там именно этого человека. И наконец фотография с полковником. Я сейчас понимаю, что все это слишком гладко, чтобы быть правдой. Кто-то решил нас подставить. И ошибся только в одном, я слишком хорошо знаю Горохова. Кто-то спланировал и смерть наших ребят.

Петрашку негромко выругался.

– Нас решили использовать, но мы должны доказать, что подобные номера не проходят. И сделать это быстро, до начала официального расследования. – Дверь открылась, и в кабинет вошел полковник Горохов.

– Где фотография? – спросил он у Звягинцева.

Тот кивком головы разрешил Бессонову показать фотографию. Горохов взял ее и внимательно рассмотрел.

– Значит, так, ребята. Это не фотомонтаж. Я был знаком с этим Скрибенко.

Все изумленно посмотрели на Звягинцева.

Глава 9

Правильно говорят, что понедельник день тяжелый. У нашего Михалыча должны были сломаться зубы, так крепко он сцепил их, чтобы не выдать волнения.

– Может, ты объяснишь, что происходит?

– Я вспомнил, что месяц назад в санатории несколько раз фотографировался с отдыхающими. На мне как раз была эта спортивная форма. Я позвонил жене, и она подтвердила, что у нас есть похожая фотография с этим типом, фамилии которого я даже не помнил.

Михалыч недоверчиво посмотрел на полковника:

– И ты только сейчас вспомнил об этом?

– Поэтому я и пришел вам это рассказать. Почему вы поехали к нему домой? И почему ничего не сказали Кочетову, который приехал на квартиру?

– Мы нашли уже после его отъезда в автомобиле Скрибенко аптечку с деньгами, – пояснил Звягинцев, – восемьдесят тысяч долларов. И мне показалось это подозрительным. Ответственный сотрудник Кабинета Министров ночью приезжает к известному рецидивисту с большой суммой. Это ведь не так просто. Обстоятельства требовали, чтобы мы проверили все на месте.

– И что вы нашли, кроме этой фотографии?

– Практически ничего. Квартира у него обычная, довольно скромная, полученная еще в старые времена. Он не похож на связанного мафии или ее руководителя. Это был растерянный, запутавшийся человек, от страха решивший выброситься из окна.

– Нужно было как-то ему помешать, – с досадой сказал Горохов. Я всегда в душе невольно им восхищался. Но сегодня он мне почему-то не кажется красивым. Мне не нравится подобное совпадение, и при всем желании я не могу до конца верить ему. Эта фотография – очень неприятное зрелище, если вспомнить о деньгах, которые мы нашли в машине, и о том, как часто Коробков уходил от наших сотрудников.

– Мы пытались помешать и получили пулю от Коробка. Вот как раз Дятлов ее и получил, – показал на Влада подполковник, – поэтому нам пришлось открыть огонь на поражение. Хорошо еще, что один из бандитов оказался раненым.

– Как с семьями? Успели сообщить? – спросил Горохов.

– Нет. Решили утром их не будить. Я сам поеду к ним.

– Ясно, – поднялся полковник. Мы все встали следом за ним.

– Ребята, – сказал он на прощание, – я вам приказывать ничего не могу. Вы все ночью не спали, товарищей потеряли, имеете право на отдых. Только эта вся история мне очень не нравится. Кто-то нас решил подставить. Поэтому вы и должны все сами расследовать. – Он помолчал и посмотрел на нашего командира: – А тебе, Михаил, спасибо. Раз пришел ко мне с этой фотографией, значит, пока числишь меня в своих товарищах. Спасибо хоть за это. – Полковник вышел из комнаты, закрыв дверь.

– Фотография останется у вас? – спросил Бессонов. – Мне не нужно ее проверять?

И тут Михалыч нас удивил. Все-таки мозг у него работает не так, как у других людей.

– Нужно, – сказал он. – Пойди в лабораторию, пусть дадут официальное заключение.

Бессонов, как и мы все, ничего не понял. Но переспрашивать не стал. Забрал фотографию и первым вышел из комнаты.

– Я поеду сначала к Зуеву, – тяжело сказал Михалыч, – а вы, ребята, действуйте.

– А нас пустят в здание Кабинета Министров? – спросил Ион. Это он правильно спросил. Против бандитов мы весьма значительная сила. А вот против чиновников мы ничто. Даже меньше, чем ничто. Обычные капитан и старший лейтенант милиции со своими маленькими звездочками.

– Объясните, что вы выполняете специальное задание, – нахмурился Михалыч, помолчал немного и добавил: – Или позвоните Горохову. Но дайте мне все данные по этому Скрибенко.

Перед тем как уйти, я положил кассету, изъятую у журналистки, на стол.

– Хорошо, – довольно равнодушно сказал подполковник. Когда мы выходили, я еще услышал, как он звонил в уголовный розыск.

– Когда могут выдать тела Зуева и Байрамова? – спросил я Иона уже в другой комнате.

– Дня через два, – ответил капитан, – сначала проведут обычную процедуру опознания. Я просил этих прокурорских лизоблюдов не вызывать родных и близких наших ребят. Опознание мы можем провести сами, чтобы не тревожить людей. Их разнесло так, что лучше не смотреть. – Он сжал кулаки. Зуев однажды спас ему жизнь, и мы все знали об этом.

– Наверно, Горохов уже пишет рапорт о случившемся, – добавил Ион, стягивая с себя брюки.

В штатском я, конечно, смотрюсь неплохо. Во всяком случае, так считает моя мама. А вот на Ионе костюм сидит как на корове седло. Такое ощущение, что он родился в камуфляжной форме. Мы взяли служебную «Волгу» и поехали в Кабинет Министров. Вообще-то Ион был прав. Нас полтора часа не пускали. Просто издевались, доказывая, что нужны специальные пропуска и наши паспорта. Служебные удостоверения сотрудников милиции им не подходили. Потом выяснилось, что мы обязаны сдавать оружие. И хотя мы никакого оружия с собой не взяли, нас заставили пройти через специальный контроль металлоискателя на проверку оружия. И только после этого нас принял какой-то важный чиновник шестого разряда, маленький, пузатый, лысый, полный необыкновенного достоинства и самомнения.

– Почему вы не обратились по инстанции? – обиженно интересовался он, надувая детские губки. – Вы могли обратиться к руководству московской милиции, те вышли бы на министерство, а министр позвонил бы к нам. У вас существует субординация или нет?

– Существует, – кивнул Петрашку, – но иногда мы действуем не так, как положено.

– Очень плохо, – поднял толстый короткий палец чиновник, – вы всегда должны строго соблюдать субординацию.

– У нас погибли товарищи, – вдруг сказал Ион, – погибли сегодня утром. У обоих остались семьи. А вы рассказываете нам о субординации.

Чиновник на миг запнулся, смутился, чуть покраснел, но быстро восстановил равновесие.

– Какой ужас! Этот бандитизм на улицах никогда не кончится. К сожалению, наши правоохранительные органы не могут навести должный порядок в этом вопросе.

– А когда хотят навести, им не дают этого сделать, – добавил вдруг очень невежливо капитан. Чиновник нахмурился.

– Что вам нужно? – спросил он.

– Нам нужны все данные о вашем сотруднике Скрибенко.

– Он замешан в каком-то преступлении?

– Он погиб, – объявил Ион, с удовольствием наблюдая за изумленным чиновником, – и мы хотели бы узнать некоторые подробности его биографии.

– Какой ужас, – прошептал чиновник, на которого смерть его коллеги подействовала сильнее, чем смерть двух наших товарищей. Я много раз обращал внимание на эту странную закономерность. Когда убивают сотрудников милиции или военнослужащих, все соболезнуют с легким оттенком безразличия. Многим кажется, что нам и так платят деньги за то, что мы рискуем своими жизнями. Никто и не вспоминает, что мы получаем гораздо меньше тех же чиновников, а убивают нас гораздо чаще. Я уже не говорю о военнослужащих, которые месяцами вообще не получают зарплаты, даже в полосе военных действий. Наверно, это естественная реакция людей, считающих риск профессиональным делом лишь некоторой категории людей и не относящих себя к этой категории.

– Вы можете дать нам его личное дело? – Ион начал терять терпение.

– Я думаю, это возможно, – осторожно сказал чиновник, – вы должны направить официальный запрос к нам через ваше министерство. А мы вышлем туда выписку из личного дела Скрибенко.

– Вы меня не поняли, – с трудом сдерживаясь, сказал Ион, – этот Скрибенко уже погиб. Он уже у вас не работает. Вместе с ним сегодня погибли наши товарищи. Мы приехали сюда, чтобы ознакомиться с его личным делом. Здесь и немедленно.

– Но это невозможно, – развел руками чиновник, – нужно согласие вице-премьера, курирующего аппарат Кабинета Министров. А его сегодня не будет на работе, он в отъезде.

– Нам нужно личное дело Скрибенко, – уже чуть повышая голос, сказал Петрашку, – это ваша проблема, с кем ее решать. – Чиновник уловил раздражение в голосе Иона. Он был опытным придворным лакеем и умел угадывать по голосу посетителей, когда можно и нужно на них кричать, а когда нужно и немного уступить.

– Хорошо, – сказал он примирительно, – не нужно так нервничать. Мы оформим все соответствующим актом, который вы подпишете с нашими сотрудниками. А потом мы вас ознакомим с его делом.

– Давайте быстрее. Речь идет о жизни и смерти других наших товарищей, – сказал Петрашку, – и если мы будем так тянуть время, может случиться непоправимое. В таком случае вы лично будете отвечать. – Вот эти слова на чиновника подействовали. Это был его язык, и он его понимал.

– Мы оформим все в моем кабинете, – сразу застрекотал он, – но личное дело отсюда выносить нельзя.

Мы были согласны на все. Еще через полчаса нам наконец принесли личное дело Скрибенко. Слава богу, что его сестра все-таки не соврала. Он действительно раньше работал в отделе административных органов и курировал органы милиции. Как это интересно было читать. В секретариат его перевели несколько лет назад. Судя по личному делу, это был исправный служака, тянувший лямку в этом ведомстве уже много лет. Он не выделялся ничем особенным, был обычным чиновником. Школа, институт, освобождение от армии, научно-исследовательский институт, работа в Госплане, перевод в Кабинет Министров, тогда еще называвшийся Советом Министров. Вся его карьера уместилась на одном листке. С женой он развелся, но на дочь решением суда с него брали двадцать пять процентов от зарплаты на алименты. И такой человек вез в своем автомобиле восемьдесят тысяч долларов? Конечно, он был только порученцем. Ни на что другое он был бы просто не способен.

– У него были близкие друзья, знакомые? – спросил Ион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.